

ЛЕГИОН «ТАЛАСС»

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН

ДЖОКЕР

Наши там (Центрполиграф)

Вячеслав Шалыгин

Джокер

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Шалыгин В. В.

Джокер / В. В. Шалыгин — «Центрполиграф», 2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08643-3

Разведчики, покинувшие Землю задолго до появления на планете первых фараонов Империи, возвращаются на родину предков и видят, что их место на планете занято новой цивилизацией. Землян тревожит слух, что отражения в самых обычных зеркалах становятся опасными для здоровья. А еще люди вдруг начинают встречать на улицах своих двойников. Имперские космические разведчики Нео Красс и Бо Скир, земная девушка Анна – ученый гидролог, и майор госбезопасности Данилов смотрят на ситуацию с разных сторон, однако все видят за кулисами событий одного и того же человека в сером капюшоне, загадочного типа по прозвищу Джокер. Возможно, он знает ответы на вопросы, но как его найти?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08643-3

© Шалыгин В. В., 2019

© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	30
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Джокер

© Шалыгин В.В., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Пролог

Орбитальная станция «Авангард»

Месяц назад

В космосе не бывает долгих серых сумерек, как на Земле. Солнечные лучи почти сразу заливают ту часть станции, которая первой выходит из тени планеты. Насколько быстро нагревается наружная обшивка, сказать трудно, но чувство, что выпрыгнул из темной комнаты на раскаленную полуденной июньской жарой спортплощадку, возникает мгновенно. Просто выстреливает из глубин памяти такая детская картинка и заставляет рефлекторно зажмуриться. А иногда еще и покрываешься испариной, хотя в скафандре микроклимат ничуть не меняется.

– Все в голове. – Бортинженер Дымов вынул из сумки на поясе ключ и примерился к упрямой гайке. – И от головы.

– Что говоришь? – спросил напарник Дымова, пилот Колесов.

– Как только выходим на солнце, зажмуриться охота, говорю. Когда внутри станции – еще ничего, а если снаружи – рефлекс срабатывает стопроцентно. Как у собаки Павлова на лампочку.

– Какой рефлекс? Стекла сами затемняются, автоматически, за две миллисекунды. Лучше гайку крути. Думаешь о всякой ерунде в рабочее время.

– Думать полезно. – Дымов усмехнулся. – Могу научить.

– Трепаться вредно, – без малейшего раздражения в голосе парировал Колесов. – Кислорода на три часа осталось, а нам еще панель менять. Сегодня не управимся – завтра придется идти. Ты собрался ежедневно за борт выходить?

– А вот и неправда ваша, дяденька пилот. – Бортинженер поднатужился, но упрямая гайка не поддавалась. – Между прочим, разговоры разговаривать... по инструкции положено. – Дымов взял передышку, но болтать не перестал. – И это правильно! Надо ведь понимать, как там дела у человека, которого занесло на высоту в тысячу километров. Да еще в открытый космос. А как понять? Вот «треп-тест» в этом деле и помогает... лучше, чем любые показатели всяких медицинских датчиков. Начнет космонавт пургу гнать – сразу ясно: что-то пошло не так.

– Ты уже начал, слышу. «Разговоры» ему «разговаривать»! Филолог! И вообще в космосе нет высоты. Есть расстояние до Земли.

– Не знаю, не знаю. В пресс-релизах про нас пишут: «Станция на высокой орбите». И вообще не придирайся!

– Не буду, если начнешь крутить. Сейчас нагреется – вообще не отвинтим.

– Это композит, он не расширяется при нагревании. – Дымов собрался с силами и поднажал.

– Это керамическая обшивка не расширяется, поскольку и не нагревается вовсе, а гайки...

– Пошла родимая!

– Другое дело.

– Да что ты будешь делать?! – вдруг снова огорчился бортинженер.

– Что опять не так?

– Гайка треклятая! Она теперь из ключа не выходит. Что ж сегодня все наперекосяк?

– Ты не каркай, а просто подцепи ее.

– Пробовал, не идет.

Расширяется металл, из которого была сделана отвинченная гайка, или нет, осталось спорным вопросом, но в ключе она застряла намертво. Дымов вздохнул и протянул инструмент напарнику:

– Можешь сам убедиться.

Колесов не отреагировал на предложение, даже не обернулся. Дымов не видел его лица за зеркальным стеклом шлема, но зато услышал, как пилот удивленно хмыкнул и проронил короткое, но емкое непечатное словцо.

Бортинженер осторожно развернулся и попытался увидеть то же, что и Колесов. Поначалу он ничего особенного не разглядел, но затем заметил светящуюся точку, которая стремительно росла в размерах. Другими словами, к станции приближалось какое-то отражающее солнечные лучи космическое тело. Прикинуть его траекторию было трудновато, но шанс, что пути неопознанного объекта и станции пересекутся, выглядел вполне реальным.

Дымов на миг завис в легкой растерянности, но затем встрепенулся и вызвал бортовой компьютер станции. Вернее, это «Авангард» вызвал свой дежурный экипаж. Синтетический голос станции зазвучал на миг раньше возгласа Дымова: «Авангард», на связь!»

– Неопознанный объект в темной зоне, высота орбиты семьсот пятьдесят, расстояние до станции шестьсот, скорость сближения – километр в секунду, – бесстрастно доложил «Авангард».

– Он ниже, – констатировал Дымов. – И все равно сближается с нами? Ерунда какая-то. Если метеорит или мусор, должен потихоньку к Земле дрейфовать.

– Если управляемый объект, то ничего он никому не должен, – возразил Колесов.

– Управляемый? Спутник? Кораблей мы, как помнится, до августа не ждем.

– Мы и спутников не ждем. – В голосе пилота появились командные нотки. – Станция, идентифицировать объект.

– Неопознанный объект.

Дымову показалось, что синтетический голос повторил это с укором. Нет, так, конечно, только показалось, но бортинженер все равно ухмыльнулся.

– Станция, закрытый режим связи, включить протокол опознания номер четыре. Базы данных Минобороны. Раздел боевые спутники Альянса.

– Круто берешь, – проронил Дымов.

– В первую очередь надо исключить высший уровень угрозы.

– Маневрирующий спутник «Мауна-Лоа», – подтвердил компьютер худшие опасения пилота. – Вооружение основное: ракетный комплекс орбитального базирования. Вооружение вспомогательное: электромагнитная и лазерная установки, манипулятор. Способен захватывать объекты корабельных габаритов массой до тридцати тонн.

– Крупная штукавина. – Дымов подтянул страховочный фал. – Уходим?

– Так точно. – Пилот тоже начал перемещаться в направлении шлюза. – Хотя вряд ли успеем. Девять минут до вероятного контакта.

– А что он нам сделает? Целиком станцию ему не подцепить. Разве что антенну откусит своим манипулятором. И потом, думаешь, он в принципе собирается нападать? Это же... капец, какой международный кризис.

– Я ничего не думаю и тебе не советую. Повторно, между прочим. – Колесов сделался серьезным донельзя. – Лучше вспомни свои любимые инструкции. Про подобные ситуации там много чего интересного написано.

– Интересного много, – согласился Дымов. – Утешительного мало. А-а, черт!

– Ну, что еще?!

– Ключ улетел!

– Наплюй и забудь.

– Ну так я согласен. Не самая ценная вещь. Только он напрямик в сторону спутника полетел!

– Забудь, я сказал! Вероятность, что ты космический чемпион по метанию гаечных ключей, стремится к нулю. В цель твой снаряд не попадет. Давай в шлюз, пулей!

Возвращение на борт станции, выравнивание давления в шлюзе и снятие скафандров заняли минут сорок, поэтому за кульминационным моментом экипаж станции следил напряженно, но буквально одним глазом каждый – изображение передавалось на контактные линзы. Картинке не хватало объема, однако все необходимые параметры космонавты видели отлично.

Спутник приблизился на расстояние в пару километров, поднялся чуть выше (или отошел чуть дальше от Земли – по версии Колесова) и синхронизировал скорость со станцией. Никаких прочих действий он не предпринимал. Орудия на «Авангард» не наводил, установить связь не пытался и вообще вел себя как дрессированная собака: выполнял команду «рядом», не опережая «хозяина» и держась слева, если брать за горизонталь уровень солнечных батарей, развернутых, словно крылья, по бортам станции.

– Центр на связи, – усевшись в свое кресло, доложил Дымов.

– Телетрансляция включена?

– Видим вас, «Авангард», – вместо бортинженера ответили с Земли. – Про вашего гостя знаем, только что разговаривали с Пентаграммой. У них сбой управления военными спутниками.

– Взлом? – поинтересовался Дымов.

– Возможно. Наши военные утверждают, что у Альянса не только с боевыми спутниками проблемы. Еще и половина аппаратов Хьюстона вышла из-под контроля. И у китайцев сложности, потеряна связь с лунной станцией.

– А наши?

– У нас тоже нет связи с главной лунной базой. Остальные пока держатся. Как у вас?

– На удивление, – Дымов осекся и на всякий случай перепроверил основные данные «Авангарда», – все штатно. Взломщики атакуют избирательно?

– Как вариант. Но мы склонны расценивать это как технический момент. Без политики. Избирательность взломщиков связана с потенциальной опасностью спутников. Злоумышленники перехватывают контроль над боевыми аппаратами и спутниками связи. Обитаемые модули и корабли не затронуты, научные станции работают. Все, кроме орбитальных и лунных оптических и радиотелескопов.

– Звучит не очень. – Дымов поморщился.

– Потенциальный противник зашевелился, и мы его... предупреждаем? – осторожно спросил Колесов.

– Минобороны отрицает.

– Ну, это понятно...

– Постойте, – вмешался Дымов. – Я один вижу закономерность?

– О чем ты? – Колесов удивленно взглянул на товарища.

– Под чужим контролем боевые спутники, связь и телескопы.

– И что?

– Дымов прав, – согласился оператор Центра. – Без орбитальных и лунных телескопов мы видим на порядок меньше, но даже возможностей земных рефлекторов достаточно, чтобы рассмотреть некую... группу неопознанных объектов. Она появилась непонятно откуда, чуть дальше Сатурна. Пока объекты не движутся, но если двинутся, то, по нашим расчетам, гости будут на орбите Земли примерно через год.

– Это вы на что сейчас намекаете? – Колесов недоверчиво улыбнулся. – На пришельцев? Вы разыгрываете? Так первое апреля неделю назад было, опоздали вы с шуточками.

– Вот именно, майор Колесов, нам не до шуток. Так что отнеситесь к вводной со всей серьезностью. Мы считаем, что спутник «Мауна-Лоа» сопровождает «Авангард» не случайно. Есть версия, что взломщиками являются как раз эти гости. Это они перенаправили спутник к станции.

– И теперь это наш конвоир? – Колесов нервно перебил оператора. – Зачем нам конвоир? Мы ведь мирная станция. Мы ничего не можем сделать никаким пришельцам.

– Они-то об этом не знают, – пробурчал Дымов. – Вот прилетят, убедятся, тогда и решат.

– Дослушайте, – строго сказал оператор. – Это случилось не только с вами. Все маневрирующие спутники направлены взломщиками к потенциально опасным объектам.

– Опасным?! Но мы ведь...

– Прекратите перебивать! Спокойно! Ситуация критическая, понимаем, но постарайтесь держать себя в руках! Да, вы мирная станция! Мирная, но очень крупная.

– А потому все-таки опасная, – негромко сказал Дымов. – Как айсберг. Для десантных кораблей.

– Они готовятся... отодвинуть нас в сторонку? – Колесов смахнул проступившую на лбу испарину.

– Или превратить в безопасную космическую пыль. – Бортинженер невесело усмехнулся и покосился на товарища. – Ставлю пиво на второй вариант.

– Иди ты со своими приколами! – Колесов нервно скривился. – Нас пришельцы скоро атакуют, между прочим!

– И это странно.

– Да неужели!

– Не сходится кое-что. – Дымов продолжил на удивление спокойно: – Скоро-то вроде бы скоро, а на самом деле – не так уж и скоро! Ну и какого черта они засветились аж за год до прибытия? Это первая странность. Дальше! Зачем они выдали свои возможности? С такого расстояния... от Сатурна... найти наши спутники, понять, что это за штуковины, рассортировать по степени опасности и взломать системы управления – высший интеллектуальный и технический пилотаж. Не слишком ли круто для чуждого разума? Пусть даже для продвинутого. Улавливаете мысль?

– Вы считаете, что взломщики – это не пришельцы? – спросил оператор.

– Могут быть и пришельцы. Только не те, которые сейчас на орбите Сатурна. Местные, адаптированные к нашей жизни. Грубо говоря, стратегическая диверсионно-разведывательная группа, давно уже к нам заброшенная.

– Возможно, – согласился оператор. – А почему корабли, если это, конечно, корабли, позволили обнаружить себя заранее? Вы обозначили это как первую странность, но не озвучили свою версию разгадки.

– Так я к этому и подвожу! Тут два варианта: или они невысокого мнения о нашей обороноспособности, или... кто-то помог их обнаружить. Судя по ситуации со спутниками, наши ракеты и лазеры для них все-таки опасны, так что первый вариант можно отбросить. Я прав? Остается вариант с неведомым помощником.

– Удивляете, Дымов. Действительно, координаты поступили из анонимного источника. Спецслужбы занимаются его поиском.

– А вы меня удивляете. Гравитация мешает крови циркулировать по извилинам? Это же элементарные выводы. А теперь, внимание, главный вывод! Вернее, предположение. Взломать системы управления спутниками мог тот же, кто дал нам координаты флота пришельцев. Ну, хоть теперь-то уловили мысль?

– Это не взлом, а подсказка? Нам указали на слабые места? Чтобы мы подготовили космическую оборону?

– Вот именно! Потому и загодя все сделано, и акцент на боевых аппаратах. Но, заметьте, их не вывели из строя, а только выключили или временно взяли под контроль.

– Временно? Почему вы так решили?

– Интуитивное умозаключение.

– Зачем телескопы было вырубать? – недовольно спросил Колесов.

– Чтобы системы управления телескопами мы тоже усовершенствовали в срочном порядке. Или просто перенаправили их на область Сатурна. А то далекие галактики они видят, а что творится в Солнечной системе, разглядеть не могут.

– Не убедил.

– Но логика прослеживается, – признал оператор Центра.

– Вот видишь. – Дымов взглянул на пилота и округлил глаза. – Землю зато убедил. Обращайся теперь ко мне просто: уважаемый спаситель планеты.

– Только не зазнайтесь, Дымов. – Оператор сменил тональность. – В связи с изменившейся обстановкой завтра вам будет передан пакет новых инструкций и полетное задание. Ориентировочно через неделю ждите корабль с коллегами и оборудованием.

– А на то, что мы под прицелом, наплевать и забыть? – по-прежнему недовольно спросил Колесов.

– Считаем, Дымов прав насчет цели взлома и временного характера потери управления. За неделю мы устраним последствия. Тогда «Мауна-Лоа» точно станет неопасной.

– Устраним последствия... взлома «Мауна-Лоа»? Мы?! Это ведь боевой спутник Альянса.

– Правила игры меняются, товарищи космонавты. Пока ограничимся этой информацией. Готовьте станцию к стыковке с орбитальным телескопом «Эдвин».

– Он же списан. – Дымов удивленно хмыкнул. – Я вообще думал, что его затопили давно.

– Он на орбите, и несколько минут назад Хьюстон вернул над ним контроль, но телескопу требуется обслуживание. Вы этим и займетесь после того, как «Мауна-Лоа» отбуксирует его к вам.

– Серьезная операция, – с сомнением проронил Колесов.

– Коллеги из Хьюстона вам помогут. «Авангард», как высокоорбитальная станция, станет нашим самым зорким наблюдателем.

– Почему не лунные телескопы? – буркнул Колесов. – У них зеркала втрое больше, чем у старины «Эдвина», и электроника лучше.

Земля не ответила. То ли оператор посчитал, что все уже сказано, и закончил сеанс связи без предупреждения, то ли возникли новые неполадки – этого не смог определить даже бортинженер. Видимо, поэтому Дымов счел своим долгом ответить вместо Центра.

– Как говорил великий сыщик Майкрофт Холмс: «Это элементарно, Джонсон!» На лунных станциях слишком трудно соблюдать режим секретности. Там, по сравнению с нами, натуральный проходной двор. Так что готовьтесь к мобилизации, фельдмаршал.

– Я и так военный пилот.

– Не-ет, ты не понял. – Дымов невесело усмехнулся. – С этой минуты мы живем не просто по уставу ВКС. Мы теперь живем по законам военного времени. Все разговоры шифруются, военная тайна кругом и всюду, и даже мыться будешь с ключом ракетной установки в зубах. Чтобы в случае чего прямо голышом на боевой пост, ключ на старт, целься, пуск! Вот такая... дедукция.

Глава 1

Орбита планеты Метрополис Деи

Земной год назад

Окрестности гигантской планеты, опоясанной кольцами из камня, пыли и газа, – это довольно странное по всем параметрам пространство. Даже с расстояния в десять имперских единиц планета кажется подъехавшей вплотную и застывшей в последний момент боевой машиной-мастодонтом. Так и хочется убежать от нее куда подальше, спрятаться в укромном местечке и не высовываться, пока она не укатится на кольцах-колесах по своим кровожадным делам.

Но это все проходит, когда зависаешь на дальней орбите хотя бы на неделю. Два-три дня она угнетает, затем становится привычным видом в обзорном экране-иллюминаторе, а на седьмой день ты уже любишь грандиозным видом и удивляешься, насколько ничтожны спутники этого левиафана. А ведь им удастся иметь собственную орбиту, на которой ты, строго говоря, и висишь. А еще они ухитряются удерживать атмосферу и по два-три десятка своих спутников. Чудеса, да и только.

Наверное, чудеснее этой картины – только вид открытого космоса, недоступный наблюдателям на внутренних планетах системы окольцованного гиганта по имени Доминус. Даже с поверхности его самого дальнего спутника, планеты Локум Ремота, едва видны наиболее яркие созвездия Галактики, настолько сильную засветку дает Доминус. Кажется, что он притягивает все лучи местного светила и отбрасывает их на ближайшие космические тела, заставляя атмосферы спутников купаться в живительных лучах, но одновременно лишая обитателей этих планет такой романтики, как воспетое далекими земными предками ночное небо в звездах.

Да и само светило, центр местной солнечной системы, проступает на небосводе любого из спутников Доминуса нечетко, размытым пятном на золотисто-синем фоне. Наверное, поэтому штандарт Империи – равномерно золотистый с лиловой в серебристых завитушках каймой по верхней и правой кромке. С поверхности столицы, девятого спутника Доминуса, планеты Метрополис Деи, небосвод так и выглядит – днем золотистый, а ночью лиловый в призрачных разводах от контуров множества прочих спутников и вихрей в атмосфере гиганта Доминуса. Без единой звезды.

Впрочем, иногда несколько звезд увидеть все-таки можно. Не каждый день, а бывает и не каждый год, но можно. Это звезды боевого флота Армии Империи Доминуса – мобильные базы, вокруг которых собираются ударные корабли главного ордера, боевые посудины помельче, десантные галеры и вспомогательные суда. Каждый из базовых кораблей имеет габариты с небольшую луну, а их штатная орбита невысока, поэтому светятся на небосклоне они как бриллианты в золотой оправе. Или в серебристо-лиловой, в зависимости от времени суток.

Сегодня главной звездой во всех смыслах была мобильная база Атакующего флота «Красный» – главной ударной силы АИД, то есть Армии Империи Доминуса. Вместе с ним чувствовали еще два флота, но им достались только отблески триумфа. Главный приз получал АФ «Красный». Меньше месяца назад, по атомному времени Империи, флот был выведен из зоны боевых действий против Содружества Хармора и теперь как бы приводил себя в порядок на орбите метрополии.

«Как бы» потому, что на орбите Метрополис Деи просто не было условий для полноценной перегруппировки, ремонта, пополнения ресурсов, резервов техники и личного состава. Это всегда была столичная планета. Административный, культурный и научный центр, не более того. Все ремонтные верфи, оружейные, продовольственные, топливные склады и про-

изводственные доки находились далеко на периферии планетной системы, а то и вовсе в далеких колониях.

Но традиция есть традиция. С фронта все флоты отправлялись на орбиту метрополии, где личный состав лечился и отдыхал от недели до месяца, а уж после корабли ложились на курс к верфям, складам и докам.

Империя заботилась о подданных. А иначе какая она Империя?

Атакующий флот «Красный» отдыхал на орбите метрополии давно и рьяно. Матросы и легионеры-десантники выспались, отъелись, нагулялись по значным местам многочисленных орбитальных станций и планетарных портов, а офицеры посетили все обязательные приемы в Императорском дворце и прочих более-менее знаковых местах. Перед отправкой на профилактические работы и пополнение всех ресурсов флоту и десантному легиону оставалось только выслушать формальное напутствие Императора. Формальное, но очень впечатляющее.

Это было нечто вроде финального прохода через триумфальную арку, только космического масштаба. Флот выстраивался в парадный ордер, все информационные пространства транслировали звук официальных фанфар – тысячекратно умноженный чуть гнусавый звук походной трубы – и открывали эфирные порталы на главную площадку Империи – в информационную реальность Дворца. Далее следовала пауза, во время которой на палубах мобильных баз, кораблей, галер и судов выстраивались подразделения легиона и экипажи, на плацах военных объектов метрополии, спутников и космических станций замирали солдаты почетного караула, а на балюстрады Дворца и Главного штаба выходили офицеры и дамы.

Пока шло построение, в общем информационном пространстве велась трансляция из надраенных до блеска, хотя зачастую латаных-перелатаных отсеков мобильной базы чествуемого флота. Обычно в набор обязательных видов входили панорамные голограммы сопровождающих любой флот астероидов – боевых тренажеров, а также десантных отсеков с готовыми к высадке в любой момент гигантскими крепостными венцами. Также показывались построенные на палубах когорты механических людей из отрядов прорыва, ряды биотехники всевозможного назначения и парящие под потолками отсеков летающие аппараты любых размеров и самой разной боевой мощи.

Как только войска выстраивались на своих плацах, повелитель Империи Доминуса, облаченный в золотой доспех и с бриллиантовой тиарой на голове, выходил из покоев и произносил короткую, но всегда страстную и весьма поэтичную речь. Причем содержательно он никогда не повторялся, что делало ему честь и заодно тешило самолюбие солдат.

Но космический масштаб действу придавали вовсе не блеск императорских доспехов или массовое участие подданных. Каждый, кому была доступна трансляция Речи Повелителя (а информационное пространство видели все, и не хуже, чем реальность), видел ее дублиаж в форме титров... из каменных обломков, пыли и газа! Да, да, из всего того, что составляло кольца вокруг Доминуса.

У зрителей создавалась отчетливая иллюзия, что от каждого слова Императора кольца вокруг циклопической планеты начинают дрожать и поверхностные слои составляющих эти кольца обломков приходят в управляемое движение. Камни сближаются, расходятся, а недостающие места заполняются пылью. И в результате на поверхности возникают гигантские объемные буквы и пиктограммы, которые складываются в те самые слова, что мгновением раньше произнес Император.

Естественно, все это было иллюзией. Но как удается ее создать и почему она видна не только в трансляциях информационных пространств, но и вживую, невооруженным глазом, с наблюдательных постов орбитальных станций, висящих вблизи колец... это оставалось загадкой. Не самым стратегическим, но тщательно охраняемым секретом Дворца. Так что, иллюзия это или реальность, многие подданные готовы были отчаянно спорить.

Такое грандиозное обращение Императора считалось для флотов АИД высшей наградой. Поэтому не грех повторить, что сегодня в главном фокусе триумфа находился Атакующий флот «Красный» и все его воины. Все без исключения, даже списанные по ранению. Точнее, переведенные на вспомогательные должности, как это случилось с тысячником штаба десантного легиона Песталом Донисом.

Когда церемония закончилась, тысячник Донис вернулся с плаца в штабной отсек мобильной базы, но из праздничной атмосферы не выпал. Он бестелесно вошел в горячий информационный архив и открыл проекцию текста обращения Императора. Ему хотелось прочитать все, что он услышал, поскольку титры на кольцах До-минуса он, естественно, не читал. На них он изумленно таращился...

...«Империи Доминуса и союзникам, флотам и легионам, матросам и солдатам!

Величайшее обращение Императора, верховного командующего АИД, вашего повелителя и боевого товарища.

Обращение-титул.

Солдаты легионов и матросы экипажей, мои товарищи по оружию! Вы славно сражались. Вашей кровью пропитан грунт десятков планет и лун. Вашим мужеством и доблестью гордится Империя. Вам кричат троекратно «Триумф!» колонии. Перед вами преклоняют колени покоренные планеты. На вашу милость отдаются побежденные враги. Ваши подвиги прославляют поэты и разносят во все сектора Галактики лучшие информаторы. Вы – самые доблестные воины обитаемых миров и навсегда останетесь примером для новых поколений.

Нет сомнений, что вы готовы и дальше сражаться во славу Империи, приумножать своим ратным трудом богатства Доминуса и защищать верных подданных. Ваш Император в это искренне верит и в знак благодарности делает вам подарок, славные воины Армии Империи Доминуса. Наш стратегический противник униженно запросил пощады, и ваш Император проявил снисхождение к побежденному. Содружеству Хармора милостиво и благородно пожалован год перемирия, чтобы оно смогло зализать раны. Мы не бьем лежащих!

Славные воины Армии Империи Доминуса, в ознаменование этой великой победы вам всем будет выплачено двойное жалованье, а три Атакующих флота – «Красный», «Белый» и «Синий» – будут выведены из секторов сражений для пополнения, отдыха и переформирования. «Белый» и «Синий» будут отведены в системы Энциума и Аррадакта, а «Красный» отправится на Базовый плацдарм «Земля» – в колыбель человечества. Император понимает, что его солдаты заслужили много большего, но перемирие – это не окончательный прочный мир, который наступит лишь после того, как Хармор станет не противником, а одной из лояльных колоний Империи Доминуса.

Это время скоро придет, и тогда свои заслуженные награды получают все флоты и легионы!

Верховный командующий АИД, величайший стратег, повелитель планеты Метрополис Деи и семидесяти трех колоний Император Доминуса Клавдий Оттон»...

...Перечитав официальный документ, наверное, раз десять, Пестал Донис свернул проекцию и мысленно выделил из послания Императора «подсластитель горького лекарства»: строчку о том, что Атакующий флот «Красный» удостоен привилегии провести свой отпуск, пополнить личный состав и залатать дыры в корабельных бортах на Базовом плацдарме.

Конечно, «Красный» мог бы остаться на фронте. Экипажи кораблей и десантный легион были все еще настроены драться, а не отдыхать. В венах у всех бурлила жажда мести за погибших товарищей. Но, во-первых, кто спрашивал матросов и легионеров? А во-вторых, «Красному» выпала честь побывать на Земле – колыбели человечества. Такого не случилось вот уже десять лет по атомному времени Империи, и за этот приз шло неофициальное соревнование

среди всех флотов, не исключая «Лиловый», личный флот Императора, – сборище помпезных снобов, презирающих любые инициативы. Один только этот факт говорил, что отдых и пополнение личного состава на Земле – это действительно серьезное поощрение, тут уж без лукавства и малейшей иронии.

«И двойное жалование тоже греет сердце. – Донис усмехнулся. – Интересно узнать, откуда деньги? Уж не от проклятого ли Содружества? Хармор тупо купил себе годичную передышку? Учитывая, насколько истощена войной экономика Империи, передышка ей самой не помешает. А уж как не помешает взятка от врага! Ладно, не взятка, назовем это контрибуцией, чтобы не сгущать краски. Противно, конечно. Столько ребят полегло ради этой пирровой победы, но что тут поделаешь, на все воля Императора. Ему виднее, как управлять государством и вести войны».

– Тысячник, к вам гость из метрополии, – негромко, но четко доложил один из двух личных охранников Дониса. – Мара Тирис. Имеет разовый пропуск независимого распространителя информации.

Тысячник отбросил мысли общего порядка, встряхнулся и настроился на работу. Он отвечал в штабе за связи с общественностью и точное, но безопасное с точки зрения секретности освещение армейской жизни. Давать интервью, выступать от имени легиона и флота на площадках гражданского информационного пространства, общаться с родственниками павших героев, всевозможными общественными наблюдателями и бесчисленными информаторами было прямой обязанностью Дониса, его треклятой, но важной работой.

– Приглашай. – Пестал кивнул.

Охранник шагнул в сторону, впуская в зал для конференций гостя из метрополии.

Независимый распространитель информации выглядела необычно. Донис мог это утверждать, поскольку имел немало контактов с людьми данной профессии. Чаще всего ему встречались энергичные молодые мужчины, имевшие если не боевое прошлое, то хотя бы военную подготовку. Гораздо реже собирать, интерпретировать и распространять военные новости в общедоступном информационном пространстве брались пожилые отставники. Совсем редко, может быть два-три раза за всю карьеру Дониса, в штаб обращались женщины, тоже из числа ветеранов. Но такое вот щуплое юное чудо, с тремя разноцветными косичками на макушке, с наивными синими глазами в половину лица и щебечущее, словно перепуганный воробей, появилось на базе флота впервые. И наверное, не только за время службы Дониса, но и вообще за всю историю базы.

Правила предписывали относиться к любым распространителям информации с уважением и без предвзятости, но тысячник едва сдержался, чтобы не обратиться к госте «дочка» или как-то еще, снисходительно и по-отечески ласково. Впрочем, эти эмоции теплились в суровом сердце десантника только первые тридцать секунд. Пока милая девушка не превратилась в несносную девчонку.

Все-таки в штабе справедливо считалось, что приставка «независимый» в названии благородной профессии распространителя информации не сулит ничего, кроме головной боли. С аккредитованными на постоянной основе представителями солидных информационных площадок никогда не возникало такого количества проблем, какое обеспечивали эти шныряющие по разовым пропускам «независимые» стяжатели громкой славы. Почему-то им казалось, что убойный сюжет с передовой или из недр прифронтовой базы – это верный способ попасть в золотую когорту уважаемых информаторов. Некоторым это удавалось, все правильно. Но ведь только некоторым, самым талантливым и понимающим суть вопроса. Что, скажите на милость, может сообщить о военных делах вчерашняя гимназистка, которая не отличит ручную электромагнитную баллисту от лучевой катапульты?

Но деваться Донису было некуда.

Тысячник незаметно вздохнул. Если бы не ранение, последствия которого не сумели устранить даже лучшие эскулапы Империи, сидел бы он сейчас не в штабе, а в трюме десантной галеры и смотрел бы через иллюминатор на приближающийся грунт какого-нибудь тренировочного астероида или вражеского спутника. Вот это жизнь, это служба. А в штабе... то смертная тоска, то кавардак с этими гражданскими. Еще и независимые информаторы нынче пошли – то ли пристукнуть и выкинуть в космос, то ли обнять и поплакать.

Нет, на самом деле все было не так уж плохо. Кроме официальной должности ответственного за связи с общественностью, Донис имел секретную функцию главного шифровальщика флота. Через него проходили все секретные сообщения, запросы на получение каких-то сведений и прочие интересные пакеты информации. Это делало Дониса, может быть, даже более важным звеном в жизни флота, чем любой из тысячников десантного легиона. А если приплюсовать должность связного с общественностью, на которую никто из легионеров и корабельных офицеров не согласился бы даже под страхом расстрела, Пестала следовало вообще на руках носить.

Воробьиный щебет информаторши сделался невыносимо громким и Песталу пришлось-таки прислушаться, что там верещит эта... Мара, кажется.

– Тысячник Донис, безусловно, главный информационный взрыв сегодняшнего дня – это обращение Императора к экипажам и легионерам! Оно имеет особое значение для Атакующего флота «Красный», не так ли? Обращение было очень поэтичным, как всегда, но все-таки суховатым, вам не показалось? «Солдаты, вы славно сражались» – так звучит вступительный посыл этой речи. Вам не кажется, что этого мало? Почему Император не обратился, как обычно, «доблестные солдаты Империи»? Не означает ли такое вступление, что Император не совсем доволен флотом «Красный», пусть и выделил его из всех остальных?! Вы готовы комментировать слова Императора? Что вы можете сказать на этот счет, тысячник Пестис Донал?

– Пестал Донис, – автоматически поправил Мару тысячник. – Я не вправе давать оценки словам Императора. Могу лишь ответить за легион и отчасти за экипажи флота. Отправка флота «Красный» для отдыха и пополнения резервов в глубокий тыл, на Базовый плацдарм «Земля», воспринято нами с пониманием и благодарностью. Пять лет по атомному времени Империи мы участвовали в сражениях. Воины флота и десантного легиона совершили тысячи великих подвигов во славу Империи, но и понесли потери.

– Тяжелые потери, вы хотели сказать! Всем известно, что легион обескровлен, что штаб даже вынужден ставить на должности младших командиров людей механических, что категорически запрещено уставом Армии Империи Доминуса! Как вы объясните эти факты, тысячник Дотис Пенал?

– Пестал Донис. – Тысячник почувствовал, что невольно багровеет. Эта свиристелка начинала раздражать. – Выражения «всем известно» и «крайне вероятно» уместны только в новостях из хроник светских гетер, харморийских политиков и самозванных оракулов. Штаб десантного легиона флота «Красный» никогда не нарушает устав АИД. Хомо механикус, сокращенно – хокусы, лишь внешне и кинематически похожи на людей. На самом деле они являются частью вооружения, как и десантные лодки, боевые колесницы или механические пчелы и птицы. Все они имеют искусственный разум, чтобы передвигаться, анализировать обстановку и пользоваться оружием, но решения за них принимают только люди. Так что хокусы не могут быть назначены на командные должности. При этом они вполне могут действовать автономно, по четкому заданию, в составе подразделений, состоящих только из хокусов. Этот тактический прием чаще всего и вызывает жаркие обсуждения на гражданских информационных площадках. Все дело в недопонимании обществом некоторых военных тонкостей.

– Вы явно преуменьшаете способности хокусов, тысячник Пентис! Они очень хорошо соображают, их искусственный разум способен решать сложнейшие задачи. И делает это

он гораздо быстрее разума человека. Что мешает военным проводить эксперименты в этом направлении?

– Вы назначите домашнего механического работника своим господином? – Донис справился с эмоциями и постарался настроиться на отчужденное восприятие происходящего, словно он не участвовал в этой словесной мясорубке, а наблюдал за ней со стороны.

Маневр помог, но не сильно.

– Вы знаете, что в информационном поле есть площадки, где обсуждаются проекты законов, предоставляющих хокусам определенные права? Как вы относитесь к таким инициативам, тысячник Донис?

– Мы, очевидно, отклонились от темы. – Пестал про себя отметил, что Мара наконец-то назвала его правильно. Впрочем, тысячник не сомневался, что это вышло у нее случайно. – Вы хотели обсудить послание Императора и детали вывода нашего соединения в глубокий тыл для перегруппировки и пополнения. Так?

– Да, но...

– Нет! – твердо перебил щебетунью тысячник. – Нет сомнений, что наши славные воины могли бы оставаться на фронте еще сколь угодно долго. Несмотря на потери и некоторое снижение ресурсов, боевой дух экипажей и десантного легиона по-прежнему крепок. Однако текущая обстановка позволяет нам сделать паузу и привести флот в состояние полной готовности к новым битвам. Мудрость верховного главнокомандующего неоспорима, мы все поддерживаем его решение.

– Вы хотите сказать, что перемирие с Хармором – это лишь короткая пауза, которой следует воспользоваться для подготовки к новой фазе войны? А вам известно мнение отставного стратега Тиго Брута о том, что отвод трех флотов Империи, включая «Красный», в разные тыловые сектора – это спасение для Хармора? Стратег утверждает, что здесь имеется экономическая подоплека. Вероятно, наш Император заключил выгодную сделку и отводит часть своей армии в обмен на солидную контрибуцию! Ему просто не нужны лишние войска на фронте. Особенно обозленные потерями – а вдруг сорвутся, выйдут из-под контроля и вырежут весь Хармор?! Вы можете прокомментировать эту версию, тысячник Достал Пенис?!

– Беседа окончена. – Тысячник мысленно послал к Харону все правила, развернулся и решительно вышел из зала для встреч с информаторами.

– Погодите, Пендос!

Так и не взошедшая на темном небе общественной информации звезда по имени Мара Три Косички Тирис ринулась было следом за тысячником, но на выходе из помещения ее крепко схватили два дежурных хокуса. Как бы они ни напоминали людей внешне, под пластиковой кожей у них скрывались мышцы из искусственного волокна, керамические суставы и стальные кости. Вырваться из их крепких пальцев было нереально.

Подчиняясь мысленному приказу тысячника, хокусы приподняли Мару над полом и вынесли через дверь в противоположной стене – напрямиком в зону вылета. Намек был прозрачен настолько, насколько это возможно. Присутствие независимой информаторши на борту базы флота «Красный» более не приветствовалось.

«Чего вообще было прилетать? – раздраженно подумал Донис. – Могла бы отправить вместо себя хокуса или просто выйти на связь со мной, получить разрешение на информационное присутствие и прогуляться хоть по всей базе в бестелесном виде. В обоих случаях пострадала бы меньше – только морально. А так еще и синяки на руках останутся. Хокусы у меня цепкие».

Тысячник прошел по большому Шестнадцатому коридору до пересечения с огромным Центральным проходом, или, как его называли обитатели базы, с Триумфальным проспектом, привычно шагнул на скользящую дорожку, но буквально через минуту сошел с нее. По кора-

бельному расписанию наступил час смены постов. То есть условный рабочий день тысячника закончился.

Донис покинул Центральный проход, свернув в наклонный рукав номер сто четыре, и с удовольствием пошел под горку, в направлении своего жилого отсека.

База флота была настолько огромна, что инженерам пришлось построить целую внутреннюю сеть наклонных коридоров и рукавов с бегущими дорожками, а там, где расстояния становились гигантскими, – с магнитными лодками. Местами рукава и коридоры пересекались, а кое-где из одного в другой можно было попасть с помощью лифта. Лестницы и трапы, непременный атрибут обычных кораблей, на базе встречались только там, где требовалась компактность, – например, на боевых постах системы обороны.

Впрочем, дорожки, лодки или верховые магнитопланы использовались только в экстренных ситуациях. Считалось, что экипажи и легионеры должны всюду ходить пешком. Это было и полезно, и солидно. С одной стороны, тащиться в затаенную горку, когда идешь на службу, было утомительно, с другой стороны – действительно полезно, и этот несомненный факт компенсировал неудобство. А как было приятно под горку возвращаться домой после службы! Ноги сами несли в родные пенаты!

«Здорово, конечно, возвращаться домой, как ни крути. Даже если ты не помнишь этого самого дома. Понятное дело, речь не о жилом отсеке. Речь о Земле, куда мы отправляемся. По атомному времени Империи я покинул ее тридцать лет назад. По времени самого Базового плацдарма прошло три тысячи лет. Три тысячи! Там не осталось даже праха тех, кого я знал и любил. Там больше нет ни городов, ни деревень, которые я знал. Там даже природа изменилась! Если верить слухам, которые ползут из штаба стратегической разведки, там вообще все не так, как раньше. Ничего конкретного из разведчиков вытянуть не удастся, но напряжены они почему-то очень сильно. А некоторые так и вовсе в легкой панике. Это беспокоит. И все равно чувство, что я возвращаюсь домой, сладко сжимает сердце. Вот, даже формулирую красиво».

Донис мысленно прокрутил новости последних дней, и, как результат размышлений, из глубин памяти всплыл целый «остров» информации о текущих событиях и связанных с ними сомнениях.

На Базовом плацдарме никто не появлялся вот уже десять лет. С одной стороны, это было запрещено самим Императором, а с другой – было попросту не до того. Сначала Империя вела затаенную войну с Героикой – застряли на четыре года, а потом началась кровавая пятилетка с Хармором. Год между войнами флоты пополняли резервы, но не на Базовом плацдарме, а на нейтральной Клепсиде. В колыбель человечества все это время не наведывались даже разведчики – на Землю было наложено нечто вроде полнейшего карантина. В связи с чем – знал только сам Император.

Однако несколько дней назад Император отменил непонятный карантин, и теперь на отдых в райские кущи Базового плацдарма отправлялся целый флот, причем именно АФ «Красный».

Вещи были собраны, техника погружена, солдаты пребывали в предвкушении. Какие-то сутки по атомному времени и...

И вот где-то после многозначительного «и...» затаились упомянутые выше сомнения. Чем ближе становился момент отправки к Земле, тем озабоченнее становились лица штабных стратегов и разведчиков. Это замечали и горячо обсуждали уже не только солдаты, но и сдержанные обычно офицеры. Самым близким к истине, по всеобщему мнению, стал простой, но емкий вывод: «Там что-то неладно». Ну, а дальше каждый плел свою сеть предположений.

Наиболее тревожным казался вариант, что Земля захвачена кем-то из многочисленных врагов Империи. По инерции первым кандидатом называли Хармор.

«Выдохшийся и обескровленный Хармор? – Донис скептически поморщился. – Нет, мертвая версия. Тактически это был бы сильный ход, но у Хармора не осталось ресурсов и

войск, чтобы отправить на Землю даже один экспедиционный легион. И как они проникли на Базовый плацдарм в период карантина? Не может же быть, чтобы врагам так исключительно повезло. Да и зачем в принципе могла понадобиться Земля харморийцам, зачем им туда лететь? Заново освоить давно оставленную звездными цивилизациями и теперь дикую планету? Оспорить право Империи, как формальной наследницы последней цивилизации Земли, владеть колыбелью человечества? У Хармора достаточно проблем с Империей, чтобы еще и вытаскивать у нее кусок прямо из глотки.

Что же там могло произойти? Почему в штабе у всех такие физиономии, словно флот летит не на отдых, а на очередную войну? Скорее всего, высокомерные стратеги этого не скажут. Легионеры и офицеры получают нужный объем правды за полчаса до Высадки. Как всегда. Обидно? Немного. – Пестал удрученно вздохнул, но тут же взбодрился. – И все-таки главное не в том, что на Базовом плацдарме вероятны проблемы. Главное, что через несколько дней все увидят Землю, истинную Родину для подавляющего большинства легионеров и матросов АИД в целом и Атакующего флота «Красный» в частности. Фактически, крупнейшее из соединений Армии Империи Доминуса летит домой!»

Маяк

День назад

Гроза над морем выглядела пугающе и одновременно величественно. Волны дыбились, казалось, до самых туч и на долю секунды волшебным образом замирали. Мгновением позже магия куда-то исчезала, и волны оседали, но делали это словно бы нехотя, лишь после того, как получали тугой плетью молний по белой бурунной шапке. Но на смену рухнувшим стенам воды штормовой ветер поднимал новые волны, и они опять рвались ввысь. Рвались, не задумываясь, что им никогда не коснуться тяжелого брюха даже самой ленивой из туч. Разъяренное море не слышало голоса рассудка.

Добравшись до береговой линии, волны с грохотом разбивались в водяную пыль о скалы, и это создавало совсем уж мрачную атмосферу локальной войны. Все, как полагается, с разрушениями и канонадой. Океан будто бы мстил за унижительные удары плетей-молний, которыми его охаживали небеса, только почему-то он мстил совсем другой стихии. Или это была не месть, а рабский труд? Небо подгоняло электрическими плетями воду, чтобы та разрушала твердь? Может быть, и так.

А что же твердь, что же скалы? А скалы молча держали удар и ждали. Чего? Возможно, как раз успокоения под тяжелым покровом воды. Там, где нет волнения и ветра, где не слышно грохота прибоя и нескончаемых истошных воплей птиц, гнездящихся в расщелинах.

Теория сговора двух подвижных стихий против одной монументальной вдруг будто бы получила наглядное подтверждение. В одну из мокрых скал ударила сначала необыкновенно мощная и яркая молния, а затем, почти сразу, – гигантская волна. Верхушка скалы рассыпалась в щебень, который вмиг исчез под водой.

Что это было? Победа заговорщиков? Или милость чего-то большего, чем природные стихии? Может быть, один из сонных великанов получил от Высшей сути свой приз за многовековое терпение?

Анна вздрогнула от близкой вспышки, втянула голову в плечи и уткнулась носом в шарф. В башне маяка было сухо, тепло и безопасно. И все-таки ее пугали эти невероятные по силе и яркости молнии, взрезающие вечерние сумерки с треском, похожим на звук рвущегося брезента. Пугали сотрясающие каждую клетку тела громовые раскаты и безумный грохот циклопического прибоя. Пугала эта припадочная пляска волн высотой с трехэтажный дом.

– Шарахнуло так шарахнуло, – не оборачиваясь к окну, сказал смотритель маяка. – Прямо-таки воинский салют на проводах в последний путь... – Он вдруг осекся и понизил

голос, будто бы сожалел о чем-то. – Георг давно напрашивался, последним был из высоких. И все-таки жаль его.

– Кого? – не понимая, о чем бормочет зритель, спросила Анна. – Вы о ком?

– О Георге. – Зритель кивком указал за окно. – Я здесь всю жизнь протоптался. Эти скалы как родные стали. Даже имена им дал. Пять их было, высоченных таких. Вот за полвека все и рухнуло. Получается, по одной в десять лет.

– А-а, вы о скале, в которую молния ударила? – Анна улыбнулась. – Ее звали... Георг?

– Так и звали. – Зритель покосился на Анну чуть смущенно. – А что такого? Лорд Эверест может горы называть по своему усмотрению, а мне нельзя назвать скалы? Я, конечно, не лорд и фамилия у меня скромная, всего-то Бондарев, но ведь и крестнички мои – не Джомолунгма с предгорьями. Имею право или нет?

– Что вы, Денис Артемович, конечно имеете! Это ведь фактически ваши скалы! Кому, как не вам, давать им названия!

– Ну, мои не мои, но... – Зритель слегка расслабился.

Он вообще был суров лишь с виду и весьма отходчив.

– Я только не поняла, разве молнии бьют в скалы? Это ведь камень, он не проводит электричество.

– Когда он по самую макушку залит соленой водой – проводит. Ну и, стало быть, самым высоким достается в первую очередь. Доставалось. Больше высоток нет. Значит, Марта следующая. Или Ундина. Вон те две скалы, у самой кромки.

– Красивые имена им даете, величественные.

– Так они величественные сами по себе и есть, не Машками же их называть. В смысле – хотя бы Мария.

– Есть такая? – Анна взглянула в окно с интересом. Страх почему-то ушел. Может быть, так подействовало понимание, что вокруг не какие-то безвестные скалы, а что-то вроде молчаливой семьи отшельника-зрителя?

– Была. Рядом с Георгом. Третьей рухнула.

– Это здесь часто? – Анна спохватилась и торопливо уточнила: – Нет, я помню, что падают скалы раз в десять лет. Я о таких штормах. Это же просто... катаклизм!

– Хм. – Бондарев иронично скривился. – Это если над городом такое безобразие пронесется, будет катаклизм. А здесь... обычное дело. Непростое тут местечко. Много каких моментов совпадают и каких условий стыкуются. Ветра, течения, соленость воды. Одно на другое накладывается – и вот вам, получите.

– Вода очень соленая, это верно. – Уцепившись за последнее «условие», Анна кивнула. – Нырнуть без груза просто нереально. А как это влияет на силу шторма?

– На силу, может, и не влияет, а вот молнии лупят исключительно по моим скалам. Там... – Зритель махнул рукой, указывая в западном направлении, – хоть бы сверкнуло. Все электричество небесное тут остается. Знал бы, как его добывать, озолотился бы давно.

– Получается, там, – Анна попыталась повторить жест Бондарева, – нет высоких скал, или что... вода не такая соленая? Хуже проводит?

– Соображаешь. – Зритель одобрительно хмыкнул. – Ты не стой, садись. Еще часа три будет штормить. Если устанешь глазеть, уйдешь спать – самое интересное пропустишь.

– Будет что-то интереснее этого? – Анна невольно обернулась.

За окном сверкнуло, наверное, самая яркая за вечер вспышка, и сразу же гроыхнуло так, что вздрогнули даже полутораметровые каменные стены маяка.

– Будет. – Зритель вновь усмехнулся, но теперь не иронично, а загадочно.

Анна попыталась поймать его взгляд, надеясь угадать, что же такое интересное предвещает умопомрачительный шторм, но зритель отвернулся. Получилось заметить лишь мелькнувшую в глазах у Бондарева искорку. Зритель явно ждал эту грозу. Ждал давно. А

еще ему определенно хотелось разделить с Анной предстоящий «интересный» поворот событий. Предложив садиться, он указал не на плетеное кресло, застеленное потертым, но мягким пледом, а на самодельный стул за грубым, потемневшим от времени деревянным столом.

Анна уселась за стол, и Бондарев тотчас поставил перед ней кружку с горячим чаем. Вернее, с каким-то отваром, в аромате которого среди прочих угадывались нотки черного чая.

Анна сделала маленький глоток и невольно смежила веки. Вкус был, как и аромат, непередаваемый.

– Какой приятный букет, – проронила она. – Вы сами собирали травы?

– Кто ж еще?

Смотритель прошел в дальний угол и начал рыться в огромном сундуке с окованными медью углами. Сундук был такой же колоритный, как и все на маяке. Казалось, что это часть декораций из фильма про пиратов. Впрочем, он запросто мог оказаться и не «декорацией», а действительно древним артефактом. На стенах висело еще много чего исторического. Например, древний штурвал, пробковые спасательные круги с непонятными надписями, а в одной из неглубоких ниш стоял центральный фрагмент огромного якоря. Как его затащил сюда смотритель? Эта железяка была в полтонны весом, не меньше.

Смотритель вынул из сундука вполне современный плащ, электрический фонарь, моток веревки и какую-то многократно сложенную алюминиевую конструкцию. Проверив фонарь, он удовлетворенно кивнул, погладил седеющую бороду и покосился на гостью. Смерив Анну взглядом, он постоял пару секунд в задумчивости, затем вновь кивнул и достал из сундука еще один желтый непромокаемый плащ с капюшоном.

– Вам помочь? – Анна привсталала.

– Поможешь. – Бондарев подошел к столу и протянул Анне плащ. – Только чай допей. Еще не время.

Анна вновь послушно села и отхлебнула из жестяной кружки, а смотритель тем временем исчез в закутке, в который гостя пока не заглядывала. Вернулся Бондарев с новым предметом в руках. Это был странного вида багор: с телескопическим древком и тупым крюком.

– Я готова. – Анна вновь поднялась из-за стола.

Ее слова утонули в очередном громовом раскате. В сравнении с предыдущими этот был не таким мощным, и ударил он с едва заметной задержкой после вспышки молнии. Похоже, эпицентр грозы больше не висел прямо над маяком и прикрывающими его скалами. Новую вспышку и раскат разделили уже ощутимые полторы секунды, а третий удар прикатился с задержкой секунды в три. Бондарева эта динамика явно устроила, и он жестом показал, что можно надевать плащ. Анна подчинилась и взглядом спросила, что из приготовленного снаряжения ей взять. Смотритель доверил ей неведомую складную конструкцию.

Вода лилась с неба потоками, но штормовой ветер без особых усилий рвал упругие дождевые струи в клочья, закручивал вихрями и швырял под всеми возможными углами. Свет фонаря в образовавшейся серой мути пробивался от силы метра на два. Приличный результат для таких условий, но толку было мало, видимость оставалась нулевой. В луче света лишь металась водяная взвесь. Больше ничего увидеть не получалось при всем желании, было невозможно разглядеть даже мощную, снабженную огромными зеркалами фару маяка. Однако смотритель и Анна не потерялись. Бондарев сунул спутнице в свободную руку древко багра, а сам ухватился за его крюк. Так тандемом и пошли.

Смотритель шел медленно, но уверенно. Анну поначалу едва не валило с ног порывами ветра, но по мере того, как невидимая тропа уводила все ниже, гостя тоже обретала уверенность. Похоже, Бондарев вел спутницу в какое-то ущелье.

С каждым шагом ощущения менялись к лучшему. Тяжелые боковые удары ветра становились все слабее, вой стихал, а шум дождя менял тональность – теперь потоки небесной влаги

не только барабанили по скалам, но еще и шипели, вспарывая водную поверхность. Тропа определенно вела к морю.

Под ногами захрустела галька, а затем к прочим звукам добавился грохот близкого прибоя. Вдалеке... теперь уже вдалеке... сверкнула целая серия молний, и эта подсветка помогла Анне сориентироваться на местности.

Да, зритель привел ее к морю. Однако этот факт не пугал. Шторм все еще бесновался, но огромные волны не доходили до берега, их ломала цепочка рифов в сотне метров от линии прибоя. До заводи, на берегу которой стояли отважные полуночные гуляки, докатывались только пенные валы метра в полтора высотой. А в одном месте, там, где в берег врезалась длинная мелкая промоина, вода вовсе лишь мелко рябила и оспилась от дождя. До середины промоины едва-едва «добивали» только самые сильные волны, примерно одна из десяти.

К этой бухточке относительного спокойствия и направился зритель.

Еще на полпути к промоине Бондарев переключил фонарь на максимальную мощность и обвел лучом почти всю ее поверхность. Анна не была уверена, но ей показалось, что у дальнего берега что-то возвышается. Что-то достаточно большое и гладкое. Выброшенная штормом рыбина? Нет, тогда уж, судя по габаритам, крупный дельфин.

«Зритель заботится о местной морской фауне? Похвально, только... – Анна почему-то засомневалась. – Если это после штормов нормальное явление, Бондарев может так поступить, но... почему он не взял сеть? Она ведь в такой ситуации лучше, чем веревка. И опять же его обещание чего-то интересного. Слишком уж загадочно он это говорил. Спасение выброшенного дельфина явно не тянет на большой сюрприз».

Зритель выдернул у Анны из руки багор, вручил ей фонарь и жестом приказал держать в фокусе луча непонятную находку. Сам он вошел в лужу, раздвинул телескопическое древко и зацепил крюком найденное тело.

Анна вдруг поняла, что на этот раз подобрала верное слово. Это действительно было тело!

Бондарев сдал назад, подтянул находку к берегу, бросил багор и перевернул тело, едва не придавив спутнице ногу.

Анна обмерла. Перед ней лежал человек. Абсолютно голый безволосый мужчина.

Анна присмотрелась. Да, все верно. Вроде бы молодой, хорошо сложенный, европейской наружности. И не подающий никаких признаков жизни.

Видеть утопленников Анне доводилось, но сейчас она почему-то не могла поверить своим глазам. Этот человек не дышал, не шевелился, но... не выглядел утопленником. Бледная кожа имела сероватый оттенок, но мышцы не были ни расслаблены, ни, наоборот, тверды вследствие трупного окоченения. Казалось, что этот человек просто крепко спит. Только почему-то не дышит.

Бондарев присел на корточки и положил руку человеку на грудь.

– Ну, привет, парень... – Зритель сдвинул капюшон и посмотрел на Анну. – У тебя дети есть?

– Что? – Анна вновь опешила, на этот раз от странного вопроса.

– Предлагаю назвать его Георгом, в честь рухнувшей скалы. – Зритель усмехнулся и вдруг подмигнул.

Анне стало совсем не по себе. Зритель теперь казался ей не грустным, чуточку замкнутым, но приятным в общении отшельником, а очень странным и потому подозрительным типом. В желтом плаще с капюшоном, с багром в одной руке и с пугающей отрешенной ухмылкой на губах... просто портрет маньяка! Он сидел на корточках, положив свободную руку на грудь непонятному утопленнику, и, покачиваясь из стороны в сторону, нес какую-то потустороннюю ахинею. Еще эта подсветка молниями – вообще жуть!

Анна невольно сделала шаг назад и перехватила доверенную зрителем алюминиевую конструкцию обеими руками наподобие щита.

– Ладно, позже назовем. – Бондарев хмыкнул и вдруг резко надавил «утопленнику» на грудь. – Проснись!

И человек открыл глаза! Анна окончательно растерялась, запаниковала, выронила свою ношу и попыталась броситься наутек, но не сумела. Ноги сделались ватными, и Анна просто села на мокрую гальку.

– Правильно. – Зритель кивнул спутнице. – Раскладывай носилки.

– Этот... – просипела Анна. – Он... смотрит!

– Смотри. – Бондарев провел пальцами «утопленнику» по векам. – Теперь не смотри. Раскладывай.

– Он... не дышит!

– Не дышит. – Зритель вновь кивнул. – Ладно, сам разложу.

Он ловко расправил конструкцию, зафиксировал замки и ухватил человека под мышки.

– Поможешь, нет?

Анна с трудом поднялась и взяла находку за ноги. Тело было теплым, даже горячим и не скользким, будто бы сухим. Между тем его полностью покрывали капли влаги. Дождь и не думал униматься.

Помощница из Анны вышла плохая. Ватные ноги и руки почти не слушались. Так что пришлось зрителю ворочать бездыханное, но живое тело самостоятельно.

– Порядок. – Загрузив человека на носилки, Бондарев шумно выдохнул и распрямился, упираясь руками в поясницу. – Тяжелый, чертяка.

– Это... что вообще? – Анна немного успокоилась, но силы к ней пока не вернулись, поэтому она так и не смогла реализовать блестящий замысел броситься наутек. Все, что ей оставалось, – тянуть время.

– Во-первых, это «кто», а не «что». – Бондарев достал из кармана плоскую фляжку, открыл крышечку и протянул Анне. – Взбодрись, иначе не дотащим.

– Я не пью спиртное.

– Я тоже. – Зритель пожал плечами. – Это не спиртное. Напиток вроде того чая, только другой. Не бойся, не отравишься.

Анна покорно приняла фляжку и сделала осторожный глоток.

Напиток был приятный, действительно безалкогольный, но при этом согревал и впрямь бодрил. А еще Анне вдруг стало не страшно. Она по-прежнему понимала, что ситуация странная и труднообъяснимая, даже жутковатая, но это больше не пугало до дрожи в коленях.

– Ты сзади. – Зритель присел, взялся за ручки и на секунду замер. – Если опять откроет глаза, не паникуй. Это все, что он может.

– Он... кто? – Анна обошла носилки и примерилась к ручкам. – Почему он не дышит?

– В маяке расскажу. Ну, взяли!

Обратный путь к маяку показался не таким трудным, хотя идти пришлось в горку. Носилки с загадочным Георгом были тяжелыми, но над тропой больше не бесновался ветер. Плюс к тому Анна теперь хотя бы примерно представляла, сколько метров осталось до цели и какие будут на пути препятствия. Знакомая дорога всегда короче. Ну и «травяной стимулятор» Бондарева сыграл свою роль. На полпути зритель устроил привал, и Анна еще раз приложилась к фляжке.

Возможно, именно почерпнутый из напитка заряд бодрости и бесстрашия помог Анне спокойно принять новый поворот событий. Зритель привел свою «спасательную экспедицию» вовсе не к двери маяка. В нескольких десятках шагов от каменной башни он свернул налево и вскоре остановился перед дверью, врезанной прямо в ближайшую к маяку скалу.

– У вас тут что? Хозяйственный блок?

– У меня тут... вход в подвал. – Бондарев сдвинул массивный кованый засов. – Голову береги, потолок низкий.

За дверью не было никаких ступенек. Вход в подвал оказался чем-то вроде пандуса, а если уж начистоту – еще одной тропой. Анна поняла это, когда присмотрелась к стенам и потолку, подсвеченным светодиодной лентой. Вход в подвал не был вырублен в скале. Это была естественная расщелина или промоина, в начале которой воткнули железную дверь.

«Все-таки промоина, – решила Анна, когда очутилась непосредственно в подвале. – Точно».

Коридор-тропа вывела в довольно просторный грот, половину которого занимало подземное озерцо. На то, что это и есть подвал маяка, указывала только винтовая лестница на правом берегу озерца. Никакого хлама здесь смотритель не хранил.

– Ставь сюда. – Бондарев присел, устанавливая носилки прямо у воды. – Фух, умаялся!

– И что дальше? – Анна оглянулась. – Через дверь было бы удобнее заносить, чем по винтовой лестнице.

– Ты про Георга? – Смотритель покачал головой. – Вот его дом теперь.

– Где? – Анна проследила за взглядом Бондарева. – В озере?

– В озере. – Смотритель вдруг ухватился за перекладину и резко опрокинул носилки.

Георг свалился в воду и быстро исчез в глубине.

– Я ничего не понимаю! – Анна возмущенно вскинула брови, затем помассировала виски. – Объясните уже!

– Объясню. – Смотритель кивнул. – Как и обещал, в маяке. Но прежде... чтоб полная картина была... смотри сюда.

Он включил фонарь и направил его на центр водоемчика.

Напиток смотрителя еще действовал, но увиденное все равно вновь погрузило Анну в состояние близкое к шоку.

Под небольшой толщей воды вертикально, вытянув руки по швам, словно солдаты на смотре, стояли два десятка Георгов и примерно столько же... Анна замешкалась, подбирая правильные слова... примерно столько же... подобных им существ, только женского пола.

И все они смотрели на Анну. Сквозь воду, и точно на Анну, а не на смотрителя или в неведомое пространство. Просто смотрели. Ни злобно, ни доброжелательно. Никак. И все же Анну вновь охватил леденящий душу страх.

– А теперь идем наверх, буду рассказывать. – Смотритель осторожно взял гостью под локоть. – Можешь идти?

– Могу, – шепотом ответила Анна и рухнула в обморок.

Город на побережье

Сегодня

Грохотавшая ночью над морем гроза зацепила город только краешком. Слишком большим оказался прибрежный город, центр крупного региона страны, чтобы гроза сумела умыть его полностью. Все, на что хватило сил яростной стихии, так это смыть пыль и обломать несколько старых веток деревьев на ближних к морю окраинах. Но и там по-настоящему землю гроза не напоила и не остудила. С раннего утра невыносимая жара снова придушила город, и в обжигающем воздухе появился запах горячего асфальта.

Впрочем, в кондиционированных комнатах и коридорах регионального Управления Министерства государственной безопасности ни жары, ни лишних запахов не было вне зависимости от погоды. В секции допросов следственного блока так и вовсе было чересчур прохладно. Наверное, чтобы задержанные чувствовали себя не слишком комфортно, а следовательно не разморило.

Полковник МГБ Старченко подошел к полупрозрачной, зеркальной изнутри стене комнаты для допросов и повнимательнее присмотрелся к задержанному, которого вот уже два часа пытался допросить капитан Коровин.

Сидевший в комнате-аквариуме подозреваемый выглядел странно. На первый взгляд вполне обычный человек: выше среднего роста, физически крепкий, обычной внешности, но что-то в нем было не так. Волосы? Нет, нормальный промежуточный вариант – русые волосы с первыми проблесками серебра на висках, по длине уже не ежик, но еще и не прическа. Что-то в чертах лица? Хорошее лицо, волевое. Брови чуть изогнуты, словно он вечно чем-то недоволен, но взгляд при этом уверенный и спокойный. Вот, может, дело в этом спокойствии? Человек, если что, сидел не на диване в гостиной, а в комнате для допросов на жестком стуле, прикованный к металлическому столу наручниками. Но этот факт его, похоже, не волновал. Вообще.

Старченко заложил руки за спину и хмыкнул. По ту сторону стены из темного стекла что-то явно пошло не так. Диалог между капитаном Коровиным и арестованным субъектом не клеился. Следователь старался как мог, но подозреваемый молчал и просто разглядывал Коровина, словно тот экспонат музея. Или обитатель зоопарка. Что вдвойне обидно.

«Майор Данилов еще час назад пробил бы упряму в бубен. Но это Данилов. Не Коровин. – Старченко хорошо знал характеры подчиненных и был уверен, что капитан сохранит самообладание, даже если допрос затянется до утра. – Хотя Данилов тоже умеет быть выдержанным. Ему для этого надо взять след. Вот тогда он – воплощение спокойствия и сосредоточенности, как ищейка. А когда ситуация расплывчатая – зови Коровина, только он ее и утрамбует до нужной твердости. А еще лучше их обоих запускать, по классической схеме, злого и доброго. Но Данилова сам начальник Управления куда-то отправил. Даже мне не сказал куда. Случай из ряда вон. Но это ладно, всякое бывает. Так что за неимением гербовой бумаги пишем на простой. Кого имеем под рукой, с тем и работаем».

Полковник вернулся к первой мысли: что-то тут не так, почему арестованный настолько спокоен? Его взяли с поличным, на месте преступления, никакие адвокаты ему не помогут, но парень тарашился на Коровина, словно был уверен, что тот с минуты на минуту откатает свою обязательную словесную программу и отпустит преступника на все четыре стороны.

– Напрасно вы упрямитесь... – Коровин в десятый раз поднял на уровень глаз пластиковую карточку водительского удостоверения – единственный документ, который нашли в карманах у подозреваемого, – Алексей Владимирович. Правосудие ценит добровольное сотрудничество. Вы в курсе?

Задержанный не отреагировал. Даже не моргнул. Продолжил пялиться на капитана с прежним равнодушием.

– Мой год рождения, – продолжая разглядывать «права», проронил Коровин. – Мы с вами ровесники.

Капитан вздохнул, пытаясь выглядеть искренне сочувствующим ровеснику, попавшему в затруднительное положение.

– Но вы, похоже, ведете более здоровый образ жизни. – Коровин обозначил улыбку. – Спортом занимаетесь? Я вот включил приложение на смартфоне... «шагомер» называется, знаете такое? Стараюсь хоть как-то следить за нагрузкой. Работа ведь по большей части сидячая. Ворохи бумаг, в смысле – компьютер, никакого движения. Вы какой спортзал посещаете? Может, посоветуете?

Подозреваемый даже бровью не повел, но секундой позже неожиданно кивнул и, наконец, ответил. Впервые за два часа допроса. Ну, как ответил... проронил одно короткое слово:

– Джокер.

– Джокер? – Коровин оживился. – Это название зала? Какое-то странное, больше для карточного клуба подходит. Какая у этого зала специализация? Железо? Или боевые искусства?

Задержанный снова проигнорировал вопросы и уставился на капитана.

– Да-а. – Коровин откинулся на спинку стула и разочарованно хмыкнул: – Такими темпами мы и до утра не закончим. Может, вам надо посидеть, подумать? Вы скажите, я пойду вам навстречу. Прогуляюсь пока, кофе попью. Вам принести?

Старченко отлично понимал, почему капитан демонстрирует ангельское терпение. Кроме информации, которую можно зафиксировать в протоколе, от задержанного требовалось кое-что еще: биометрические данные и голосовая идентификация. С первым проблем не возникло. Отпечатки пальцев, рисунок сетчатки глаз, параметры лица и даже зубная формула были получены сразу. А вот голос человека удалось услышать только сейчас. Да и то... короткое бурчание.

Полковник обернулся к лейтенанту, сидевшему за компьютером. Последний час тот откровенно скучал и втихаря позевывал, но теперь встрепенулся, собрался и вперился взглядом в экран.

– Хватило?

– Маловато. – Офицер пожал плечами. – Но, может, и вытянет, дайте минутку.

Программа идентификации «вытянула», да толку оказалось мало. Как, впрочем, и в случае с биометрией. Ни по каким официальным базам данных задержанный не проходил. Ни по криминальным, ни по военным, ни по гражданским. У него даже загранпаспорта не было.

«И права фальшивые, – припомнил Старченко первый из результатов комплексной проверки. – Сработаны качественно, не придерешься, но в базе под этим номером значится совсем другой человек».

– Пробей-ка «джокера», Архипов, – приказал Старченко помощнику. – По секретным базам пробей, раз официальные не тянут. Начни с наемников.

– Уголовных или военных?

– С военных, – недолго поколебавшись, ответил Старченко и кивнул, как бы соглашаясь с только что пришедшей в голову догадкой. – Да, точно, с военных. Может, это позывной его и найдутся связи. Он, вероятно, потому и спокоен, как слон. Ждет, что его братья по оружию вытянут.

– Он четырех человек отметелил до бессознательного состояния. – Лейтенант криво ухмыльнулся. – И не бармалеев из пустыни, а наших граждан... пусть и с сомнительной репутацией. Главное – ни с того ни с сего. Просто подошел и отделал под орех. Инцидент подтвержден, как говорят те самые военные, «средствами объективного контроля»... камерами слежения с трех ракурсов. Вот, товарищ полковник, есть кое-что, нашел.

Старченко переместился за спину лейтенанту и заглянул в монитор.

– Миротворческая операция в Персии, неофициальный контингент, – полковник пробежал взглядом по тексту найденного файла. – Позывной Джокер, настоящего имени в досье нет. Частный консультант с правом ношения оружия, международная охранно-экспедиционная компания... «Рюрик». Это, похоже, не по-английски написано.

– Читается как «Рюрик».

– Частный консультант... это старший командный состав, по штатному расписанию наемников. Теперь ясно. Чуйка меня не подвела.

– Как обычно, – почти без ноток лести в голосе подмахнул лейтенант. – Странно. Фотографии нет. Биометрия почти вся есть, а простейшего фото нет.

Компьютерщик выделил шапку файла. На месте для фотографии висел только серый «смайлик».

– Да, что картинки нет – это плохо. – Старченко покачал головой. – Но зато есть другие данные. Надо всю доступную биометрию сверить.

– Сейчас сделаю, – заверил лейтенант.

На сверку ушло секунд пять. Все это время полковник смотрел сквозь стекло на предполагаемого «рюриковича». Задержанный по-прежнему равнодушно пялился на Коровина, который, в свою очередь, без устали задавал самые разные вопросы.

«Как собака на ветер лает, – мелькнула у Старченко мысль. – Обидно втройне».

– Тут такое дело... – Осмыслив результаты проверки, озадаченно проронил лейтенант. – Какая-то чехарда.

– Что не так? – полковник вновь уставился в монитор. – Параметры его? Группа крови, резус-фактор совпадают?

– Да, у Джокера тоже была третья положительная. Самая распространенная. Но отпечатки пальцев не бьются, зубная формула другая, и рисунок сетчатки глаз тоже не соответствует. А главное, здесь штамп. «ВШС 200». Видите?

– «Выведен из штата по состоянию двести»? – полковник усмехнулся. – С этим как раз нет проблем. Девяносто процентов наемников, заканчивая службу, за такой штамп четверть выходного пособия отдают. Чтобы следы замести. Обычная практика. Но против биометрии не попрешь, это да. Придется нам, Архипов, копать глубже. Кто был его командиром?

– Позывной Лектор, старший консультант. Пробить?

– Давай.

– Вот... – Лейтенант осекся.

Второй открытый файл ответил практически на все вопросы. У наемника с позывным Лектор было чуть выше звание, и в его досье не стоял штамп «ВШС 200», означающий гибель при выполнении служебных обязанностей. Что же касается фотографии, отпечатков и прочей биометрии, они полностью совпадали с данными сидящего в соседнем помещении человека.

– Так вот оно что. – Старченко усмехнулся. – Лектор решил выдать себя за погибшего товарища! Что ж, понятно, особенно учитывая, что в досье Джокера нет фотографии.

– Непонятно только, зачем этот обман, если он точно знал, что мы пробьем его наводку по базам и обязательно поинтересуемся связями. В первую очередь – кто был у Джокера командиром.

– Это значит что? – Ответа Старченко не дождался, но все равно кивнул и продолжил одобрительным тоном:

– Правильно, Архипов! Этого он, значит, и добивается.

– Чего он добивается? – озадачился лейтенант Архипов. – А-а, понял! У него нет доступа к секретным базам данных, и он хочет, чтобы мы, вольно или невольно, помогли ему найти бывших соратников?

– Точняк. – Полковник вновь кивнул. – Только не всех бывших соратников. Он желает найти конкретно Джокера.

– Погибшего?

– Либо Джокер не погиб, либо Лектор об этом не знает. Первое – вероятнее.

– Ну да... вероятнее... если верить во всякие «теории заговора», – негромко пробормотал лейтенант и скептически хмыкнул.

Полковник Старченко пропустил дерзкую реплику мимо ушей.

– Парень затеял рискованную игру. – Старченко покачал головой. – Тяжкие телесные повреждения – это высокая ставка, лет на пять колонии тянет. С другой стороны, прошелся по хребтам криминальных личностей и никого не убил. Это грамотный ход. Интересно узнать, ради чего он подпалил этот сыр-бор? Какой надеется сорвать банк?

– Крупный, наверное. – Скептическая мина так и не сползла с физиономии лейтенанта Архипова.

– Крупный, – повторил полковник задумчиво. – Такой, что одному Лектору не справиться, ему нужен помощник. Да не абы какой, а конкретно Джокер. Но найти его без нас он не может. Следишь за мыслью, Архипов?

– Так точно, – попытался «переобуться» в соответствии с новой вводной начальства лейтенант Архипов. – Я так и предложил: найти Джокера и устроить им очную ставку. Тогда и выяснится, что именно этот Лектор затеял.

– Не следишь. – Полковник огорченно вздохнул. – Если мы найдем Джокера, выгоду получит только Лектор. Ну, приведем мы его товарища, усадим напротив, что дальше? Ничего узнать нам не удастся. Да еще и рискуем. Может, они условными сигналами незаметно обменяются, а потом этот Джокер устроит Лектору побег. Или бывший командир прикажет бывшему подчиненному преступление совершить – самый простой вариант. Получится, мы сами в этом будем виноваты. Нет, нельзя идти на поводу!

– И как нам быть?

– Думать, Архипов, лопатить материал и думать. Много у нас материала по этому «Рюрику»?

– Полно. Сутки можно листать.

– Вот, значит, сутки вашему отделу на изучение и выделим.

– Это вы щедро выделили. – Лейтенант заметно скис. – У нас из шести положенных по штату сотрудников всего трое в наличии, минус Данилов. Значит, нам с Коровиным все эти сутки не спать, а лопатить, как вы говорите. Вот ведь служба наша грешная!

– Служба наша такова, какова она есть и больше ни какова. – Старченко добавил в голос формальной строгости. – Кстати, Данилов не звонил?

– Нет. Он второй день в поле. Какое-то важное поручение у него, с самого верха.

– Это я знаю. Ладно, отзывай Коровина из аквариума. Задержанного в камеру, все материалы по «Рюрику» сбрось мне в личную папку. Помогу вам, чем смогу. Если что, я у себя в кабинете до восемнадцати часов.

Полковник Старченко покинул секцию допросов в следственном блоке и неспешно двинулся по мягко подсвеченному коридору-переходу из здания изолятора в основной корпус Управления. Помимо новоявленного «дела Лектора» у полковника имелась масса других забот, но возвращаться к ним Старченко не торопился. Острое чутье опытного контрразведчика никак не давало разуму переключиться.

Собственно, именно с чутья все и началось. Задержала Лектора доблестная полиция, еще вчера, и поначалу он уехал к ним в СИЗО. Однако всевидящая и умная Система предотвращения правонарушений СПП 2.0 идентифицировала одну из четырех жертв как давнего клиента МГБ, оповестила об этом дежурного в Управлении, а тот доложил Старченко. И у полковника внутри кольнуло. Не пойми где и не слишком остро, но ощутимо. Так обычно напоминало о себе то самое оперативное чутье. В результате три с половиной часа назад задержанного привезли в изолятор МГБ.

«И вот смотри, что вышло. – Полковник хмыкнул. – Наемника взяли. Да еще странного какого-то, с двойным дном. Все как мы любим. Однако это был только лирический пролог. Теперь надо продумать план дальнейших действий».

Вообще-то ломать голову не требовалось. Министерство государственной безопасности имело инструкции, методички и алгоритмы на все случаи жизни, для любых ситуаций и условий. Да не по одному сюжету на каждую вводную, а в ассортименте, с различными комбинациями элементов. Собственно, сам Старченко и написал добрую половину этих опусов. Имелась в этом деле одна загвоздка: безотказно работали все эти инструкции в случае поимки среднестатистических негодяев.

«Другое дело – матерые. Этот Лектор, похоже, из них. Его на голый крючок не поймаешь. Ему прикорма ведро подавай, чтобы внимание рассеять, да и то не факт, что клюнет».

– Товарищ полковник!

Полковника нагнал капитан Коровин.

– Слушаю тебя, Александр Андреевич. – Старченко зафиксировал последнюю мысль, о «прикорме», чтобы позже вернуться прямо к ней, и переключил внимание на капитана.

– Виктор Степанович, разрешите пару вопросов? Насчет этого Лектора.

– Архипов уже просветил, кто он такой?

– Так точно. И насчет Джокера, и про сроки на разработку «Рюрика». На эту тему как раз первая мысль. Не управимся мы вдвоем.

– Я помогу. Этого Архипов не сказал?

– У вас и без Лектора дел полно. Может, пришлете кого-нибудь? Пару аналитиков, например.

– Простые вы. – Старченко вздохнул. – Если б я распоряжался аналитиками, половину давно по отделам распределил бы. А остальных уволил бы ко всем ежам.

– Зашьемся. – Коровин взглянул на полковника, как то самое индийское священное животное – очень печально.

– И с этим не поспоришь. – Старченко еще раз вздохнул. – Ладно, не щемите мое сердце. Есть у меня идея, как вам помочь. Какая еще мысль тебя посетила?

– Спасибо, товарищ полковник. А вторая... это не мысль даже, это скорее заметка на полях. Кое-что странное случилось, пока мы беседовали с этим Лектором в аквариуме. Я даже не знаю, стоит ли... такую мелочь упоминать.

– Ты ведь знаешь, что стоит. Как я вас учу? Дьявол прячется в деталях. – Старченко, скупясь на движения, перекрестился. – Прости, Господи.

– Да, Виктор Степанович, я помню, вы любите, чтобы все до мелочей и в рядочек.

– Цитата верная. – Полковник кивнул. – Что заметил? Не тяни, выкладывай.

– Я пока запись не смотрел, но... думаю, на ней та же картинка. Когда этот Лектор назвал позывной своего товарища... Джокера, значит... в зеркальной стене что-то появилось и быстро исчезло. Словно кто-то третий мимо проходил и отразился.

– По закрытой комнате для допросов? Мимо проходил? Это как?

– Нет, может быть, показалось! Только очень уж все натурально выглядело. Появился кто-то, замер на миг, словно прислушиваясь к нашему разговору, а после исчез.

– Тогда получается, не проходил, а заглянул, – неожиданно для капитана серьезно высказался Старченко. – Лицо не разглядел?

– Я ведь боком сидел, краем глаза это видел. Сначала подумал, что кто-то из вашей каморки сквозь зеркальную стену смотрит. Ну, слишком близко подошел. Но это ведь без разницы, хоть носом упрись, сквозь зеркало видно не будет. Так? И никаких телевизионных технологий в нем нет, как я понимаю.

– Все верно, Александр Андреевич, во внутренней стене аквариума только его обитатели видны и только в виде отражений. Никаких проекций или видеокартинок. Кстати, камера там над дверью висит, в углу?

– Вроде бы да. Я и говорю, на записи надо посмотреть. Разрешение там плохонькое, но сам факт она точно зафиксировала. Наверное.

– Наверное – вроде бы, точно? – Старченко усмехнулся. – Просмотри запись и доложи. А после вплотную берись за «Рюрика». И Павлуше спуску не давай. А то знаю я этого Архипова, в буфете будет прятаться, пока ты его половину работы делаешь.

– Пашу я к стулу пристегну, – пообещал Коровин, заметно оживляясь. – А кто нам помогать будет? Как у него с опытом в таких делах?

– Так себе. – Старченко неопределенно помахал рукой. – Считаю никак. Но старания на двоих.

– Тогда это не помощь, а нагрузка. – Коровин опять погрузился.

– Что значит «нагрузка»? – Старченко фыркнул, изображая возмущение. – Ты, Александр Андреевич, не заговаривайся. Нагрузка! Не нагрузка, а стажер. Не забывай, что я не

только в Управлении тружусь, а еще и в Академии. И как раз за стажировку отвечаю. А на каких делах я должен молодые кадры обкатывать? На телефонном терроризме? Это и так по их профилю. Но хотя бы по одному стоящему делу в досье у них должно быть к концу первого года обучения или нет?

– Еще и первого года?! – Коровин совсем приуныл.

– Зато за первое высшее образование – красный диплом. – Полковник спрятал ухмылку. –

И у нас на передовых позициях, круглая отличница.

– Отличница?! – Коровин поднял страдальческий взгляд к потолку и едва не застонал. – Девчонка?! Добили, Виктор Степанович! За что?

– Ты не расстраивайся раньше времени. – Старченко похлопал капитана по руке. – Толковый кадр, точняк. Через час пришло ее к тебе в кабинет, будь на месте.

– Есть!

– Так-то лучше. Чтобы совсем тебя отпустило, можешь спросить про нее у Архипова. Он знаком с вашей новой сотрудницей.

– Я вам верю. – Коровин обреченно вздохнул. – Разрешите еще вопрос? Вы сказали «по одному стоящему делу». Думаете, действительно стоящее дело?

– Уверен. – Старченко коснулся кончика носа. – Чую. Иди.

– Есть!

Полковник проводил капитана Коровина взглядом и достал из кармана телефон. Набранный служебный номер ожил со второго гудка.

– Да, товарищ полковник.

– Настя, есть тема для курсовой работы, приезжай ко мне в Управление.

– Так точно!

Отвечала будущий сотрудник Анастасия Викторовна Старченко иногда невпопад, но это был, пожалуй, ее единственный и вполне простительный недостаток. Конечно, простительный с учетом статуса будущего, а не действующего сотрудника. И без всяких там скидок на тесные родственные связи.

Глава 2

База флота «Красный»

Десять земных месяцев назад

У тропического пляжа практически нет изъянов. Белоснежный песок из мельчайшей коралловой крошки, массивные стволы кокосовых пальм и длиннолистые кроны где-то высоко над головой, синее море, плавно перетекающее в белесо-голубое небо, и золотая монета горячего солнца в зените – разве не идеальная картина?

В пальмовой тени прячутся упавшие мохнатые орехи угрожающих размеров, а чуть дальше от береговой линии, между бурыми стволами все тех же кокосовых гигантов, сплетают свой лабиринт заросли всевозможной зелени. Здесь есть и пышные низкорослые кустарники с узловатыми ветвями, и мясистые колючие суккуленты в три метра высотой, и высокие благородные гевеи. Хотя наиболее привлекательные здесь снова пальмы, пусть не такие мощные, как на берегу, зато украшенные причудливыми цветами и гроздьями бананов.

Звуковой фон тропического побережья тоже самый разный. Кроме шелеста пальмовых листьев и плеска прибоя, он состоит из едва слышного шума ветерка, пения птиц и трещотки ящерок. Изредка жужжат насекомые и попискивают какие-то мелкие животные в зарослях.

В тени здесь жара, на солнце – пекло, но это совершенно не пугает. Ведь рядом ласковое море, в котором можно охладиться, когда пожелаешь. Вода в нем тоже теплая, как в ванночке для младенца, но, если мокрую кожу овеивает легкий ветерок, пусть и горячий, чувствуешь облегчение, это однозначно.

А еще неподалеку, в тридцати шагах по тропе, прорезающей зеленый лабиринт, течет ручей с пресной водой. Там можно смыть морскую соль и напиться. Райское местечко, разве нет?

Жаль, что это лишь симуляция.

Сотник тактической разведки Нео Красс поднял с песка, на котором сидел, тонкую веточку и повертел в пальцах. Создатели иллюзии позаботились о мельчайших деталях. Где-то на песке валялись щепки, где-то дал росток давно упавший кокос, а райские птицы не всегда пели, иногда они устраивали скандалы и верещали совсем не музыкально.

Эти мелочи придавали иллюзорному пляжу бодрости, но все-таки не приближали его к реальному. Нео хорошо помнил, что такое тропический остров на самом деле. Да, во многом он был таким, как здесь, но все-таки другим.

В симуляции не хватало натуральных запахов и жизненной энергии. В реальности запах моря был соткан из сотен оттенков, и не обязательно все были приятными. Запросто могло потянуть откуда-то гнилыми водорослями или тухлой рыбой. А еще в реальном море была скрыта чудовищная энергия. Она ощущалась за много километров, а уж на берегу в ней просто тонул. И у горячей суши тоже имелась своя энергия, смешанная с живой аурой растений и прочих обитателей земной тверди.

О солнце нечего и говорить. Оно было очевидным, самым изученным источником энергии, подзаряжающим все прочие, и все равно таким же непостижимым, неповторимым, неподражаемым. Никакая лампа не могла даже близко заменить солнце, как никакой хokus никогда не заменит человека.

Сотник вздохнул и не без сожаления мысленным приказом снес имитацию ко всем чертям. Вокруг снова возникла серая обстановка комнаты для инструктажа: высокий ячеистый потолок, металлические стены, удобные, но незатейливые стулья на сером полу, бездушный, умеренной яркости свет, льющийся отовсюду и ниоткуда. Все в соответствии с имперской военной традицией – добротное, продуманное, удобное, но абсолютно без фантазии.

Красс обвел тоскливым взглядом стены, покрытые физическими, а потому вечными рисунками из «Наставления по пилотированию», поднял глаза к потолку и задержался на самом настоящем иллюминаторе. Такие штуковины, из двух десятков слоев прозрачных материалов, встречались крайне редко, только на базах и очень старых кораблях.

В прежние времена считалось, что наличие иллюминаторов помогает экипажам не забывать, где они находятся, и «чувствовать космос». Позже умники из Академии Главного штаба пришли к выводу, что у кораблей не должно быть слабых мест в обшивке, после чего все физические иллюминаторы были заменены экранами высокого разрешения. Однако многие пилоты не одобрили это решение, им был важен сам факт того, что они видят космос собственными глазами. Говорят, даже развернулась дискуссия, в которой пилотов поддержал тогдашний Император, и кое-где иллюминаторы удалось сохранить.

Лично Крассу было плевать, как он видит космос, «вживую» или в виде проекции. Его, как разведчика, всегда интересовали планеты. Необязательно райские, как в симуляции. Любые, лишь бы был грунт под ногами, относительно нормальное притяжение и небо над головой.

За иллюминатором виднелась одна из таких планет, достаточно далекая от Доминуса, хотя и не самая крайняя на его орбите. ЛатеГра. На ней Красс провел немало времени, когда учился в гимназии разведки. Воспоминания остались хорошие, поэтому он был не прочь полюбоваться Латерой и мысленно попрощаться с альма матер перед рейдом – это считалось добрым знаком. Но насладиться картинкой мешали транспортные ворота «СР Домини-213» – стационарный портал для перемещения кораблей через пятое измерение пространства.

Космические ворота, похожие на гигантский зеркальный бублик, блестели так, что все прочие объекты на пару имперских единиц вокруг были едва видны. Блики от зеркал порталного кольца еще и плясали, поскольку ворота настраивались, захватывая в фокус постоянно прибывающие и занимающие свои места в походном порядке корабли флота. Схватить случайно такой зеркальный блик было делом серьезным. Почти как с минуту смотреть на солнце. Ослепнуть – запросто.

Взгляд Красса оторвался от иллюминатора, еще немного поблуждал, и в конце концов разведчик устался на решетчатую перегородку, отделявшую комнату от большого отсека. За перегородкой мелькнули какие-то тени. Похоже, Красс вовремя свернул расслабляющую проекцию. Время инструктажа пришло.

– Где этот бездельник? – прогудел по ту сторону перегородки знакомый голос. – Куда вы его засунули? А-а, вот он!

Перегородка отъехала, и в комнату ввалился сутулый, грузный и могучий, как медведь, начальник разведки десантного легиона старший тысячник Бер. Сотник Красс поднялся и шагнул навстречу командиру:

– Здесь ваш сотник Красс. Имею честь доложить о готовности...

– Без рапорт-титолов. – Командир отмахнулся. – Не на параде. Садись и слушай, время дорого. Трое суток по атомному времени у нас на все про все.

– Весь внимание.

– Пока идут приготовления к отправке на Базовый плацдарм, мы с тобой должны успеть кое-что сделать. – Бер взглянул на Нео исподлобья, но не грозно, а многозначительно, как бы приглашая сотника воспринимать и текст, и смысл, скрытый между строк. – В чем суть задачи: Император приказал нам отдыхать на Земле, за что ему благодарность в полный рост, но, похоже, он специально или невольно слегка поспешил. Если помнишь, с Земли всего пару дней как сняли карантин, и никто пока не изучил, что там, на колыбели человечества, творится и насколько она изменилась за столько солнечных лет.

– А по слухам...

– Не забегай! До слухов я еще дойду. И так, я думаю, что наш благодетель решил совместить приятное для нашего флота с полезным для всей Империи. Зачем туда гонять экспедиции, если можно отправить флот на отдых? Пристегнул к нему три научных судна – и задача решена. Да? – Бер подмигнул и ухмыльнулся.

– Нет. – Красс знал своего начальника не первый год и на его неуклюжие уловки давно не поддавался. – Карантин есть карантин, даже в глубоком тылу. Снимать его можно только после проверки. Земля находится в зоне максимального временного парадокса. Это значит, что десять лет по атомному времени Империи равны десяти земным векам. Мало ли, какие паразиты могли там завестись за тысячу солнечных лет.

– Мыслишь! – Бер одобритительно кивнул. – Командующий флотом почти так и сказал. Он решил считать зону БП условно опасной. Поэтому все обязательные в боевых походах процедуры, вроде отправки зондов-разведчиков в точку прибытия по ту сторону ворот, мы оставили в силе.

– Так это данные зондов народ взбудоражили?

– Опять вперед забегаешь? – Бер показал кулак. – Зонды имели задание проверить обстановку вокруг Сатурна, то есть исключительно вблизи ворот на стороне прибытия. К Земле они не совались. Но все равно они уловили радиосигналы и засекли множество теней на фоне планеты.

– Чего? – Нео удивленно вскинул брови. – Сигналы? Теней? Радиосигналы от этих... теней?

– Вот именно. – Старший тысячник усмехнулся, реагируя на изумление Нео. – Тени можно было бы принять за рой метеоров, однако именно с них шли некоторые радиосигналы, и, более того, часть теней либо маневрировала, либо висела строго геостационарно. Мыслишь?

– Метеоры ни того ни другого не умеют.

– Молодец. Мы проверили данные зондов дистанционно, прямо через ворота, и получили те же результаты. Отсюда и возникли подозрения, а позже и расползлись слухи, что Землю пытаются освоить конкуренты Империи, которые расположили на орбите свою группировку научных и военных аппаратов. Слышал такую версию?

– Слышал. Версия на вершине олимпа обсуждений. Но лично я в ней сомневаюсь.

– Не ты один. Но чтобы достоверно разобраться, мало зондирования и подглядывания в замочную скважину транспортных ворот, нужен рейд непосредственно к Земле, а при необходимости и посадка на колыбель. Однако нельзя привлекать внимание противника, если он там есть, перемещением большой массы техники. Поэтому требуется одиночный рейд самого современного корабля-невидимки. Самый новый корабль у тебя.

– Для меня честь...

– Не продолжай! – Бер вскинул руку. – Просто бери задницу в горсть и вперед. На Землю! Подробные инструкции уже загружены в искусственный разум твоего корабля. Если возникнут какие-то сложности, связывайся напрямую со мной.

– Ворота будут открыты?

– Они открыты с момента, когда туда слетали зонды, и не закроются, пока наш флот не вернется из пространства Базового плацдарма. Иначе связи с метрополией у флота не будет. Так что и мы тебя будем постоянно видеть и слышать, и ты нас. Почти в реальном времени для обеих сторон.

– Разница в сто единиц. – Нео поднял бровь. – Как это можно компенсировать?

– Это ты у техников спросишь, когда будет свободная минута. Мне известно, что жить каждый из нас будет по времени места пребывания, но, если мы выйдем на связь, задержек в диалоге практически не заметим. Новая технология дельта-связи. Говорят, скоро ее доведут до ума, и атомное время Империи можно будет уравнивать с любым другим не только для связи, но и для физических объектов.

- То есть путь сквозь ворота не будет занимать полгода по времени Земли?
- Для твоего корабля он и так длится всего-то атомные сутки.
- Все равно это много – три земных месяца с хвостиком.
- Ну вот и поправят этот недостаток. Будем шастать туда-сюда в реальном времени. То есть, если держать ворота постоянно открытыми, получится, что атомное время будет равно земному. Это значит плюсуй к списку колоний еще и Землю. Вернем родной дом межзвездному человечеству. Не красота, скажешь?
- Задача галактического масштаба. – Нео скептически хмыкнул. – Если не вселенского. Не слишком ли замахнулись?
- За что купил, за то и продаю.
- То есть на Гаранне имперский год больше не будет идти за три, на Аррадакте за десять, а на Земле за сто? – уточнил сотник. – Жаль. Мне нравилось быть вечным хотя бы на чужих планетах.
- Это была иллюзия, Нео. – Бер неодобрительно качнул головой. – Старился твой организм на Гаранне втрое медленнее, это факт, но соображал, работал и уставал ты в том же ритме, что и аборигены. Проживи на Земле имперский год, и ты, оставаясь внешне таким же, как сейчас, гарцующим жеребцом, морально превратишься в брюзжащего старика ста двадцати пяти лет от роду. Короче говоря, все относительно, когда не абсолютно. Не отвлекайся!
- А я что? – Красс построил невинную физиономию. – Я ничего! Просто спросил.
- Ядрена шишка! – Бер еще раз погрозил разведчику кулаком. – Смотри у меня, почемучка любознательная! Давай поднимайся. Зеркала ворот сфокусированы на точке выхода между Землей и Луной. Через сутки окажешься прямо в гуще событий... если, конечно, там что-то происходит.

Маяк

День назад

Небесный оркестр, игравший сочинение «Гроза над морем», звучал с каждой секундой все тише и тише. Анна очнулась, но прежде чем открыть глаза, прислушалась к звукам и проанализировала ощущения. Да, гроза уходила, оставляя после себя шум дождя, журчание ручейков и бульканье пузырящихся луж за окном. Что касается внутренних ощущений, все вроде бы тоже приходило в норму. Не осталось ни слабости, ни головокружения.

Анна разлепила веки и сфокусировала взгляд на пыльной лампочке под потолком. Светила она тускло и едва разгоняла мрак в центре комнатки – кровать, на которой она лежала, оставалась в темноте, но от «ночника» большего и не требовалось.

Еще один источник света находился за дощатой дверью. Он был гораздо сильнее, яркий лучик пробивался в щель между дверным полотном и косяком. Вместе с ним сюда проникали звуки из большой комнаты, той самой, где не так давно Анна пила чай в ожидании прогулки к морю.

Она вспомнила жутковатый финал прогулки и невольно содрогнулась. Картинка с застывшими на дне подземного озера «водяными» врезалась в память намертво. Кошмарное воспоминание заставляло тело холодеть, а затем покрываться липкой испариной.

Пытаясь отвлечься от ледящего душу воспоминания, Анна прислушалась к звукам, доносившимся из глубины маяка. Сначала она слышала только шаги, затем какие-то невнятные реплики, а минутой позже – скрип двери и снова шаги, но уже намного ближе. Кто-то быстро вошел в большую комнату, снял шуршащий плащ и встряхнул его так энергично, что отлетевшие капли забарабанили по двери в спальню. Не похоже, что это сделал экономный в движениях смотритель маяка. Скорее всего, к Бондареву пожаловал еще один гость.

Подтверждая догадку, опять зашуршал плащ, и прозвучали другие шаги, размеренные и более тяжелые. Вот это наверняка был смотритель.

– Присаживайся за стол, – послышался голос Бондарева. – Сейчас согрею чай.

– Только не фирменный. – Голос посетителя маяка звучал молодо, а интонации были повелительными. Словно прибывший был для Бондарева начальством.

«Какое начальство у смотрителя маяка? Начальник порта? И зачем ему приезжать сюда посреди ночи, да еще в такую собачью погоду? Возникли проблемы с фарой? Это повод при-слать сюда техников, не более того. К тому же Бондарев обращается к гостю на «ты». С началь-ством положено разговаривать более вежливо».

– Тебе не нравятся травы?

– Нравятся. Но чаепитие в твоём обществе – это целая церемония. У меня нет времени на затяжные дегустации.

– Пришло время действовать?

– Да. Ты разве не заметил?

– Я понял это, когда появилась девушка.

Анна резко села на узкой кровати и замерла, обратившись в слух.

– Мне это не нравится, – заявил гость.

– Зря ты так, Джокер. Ты даже не видел ее. Она – своя, поверь моему опыту. Думаю, она и есть обещанный мне помощник.

– Я не получал на этот счет указаний.

– Вероятно, тебя просто не отвлекают по мелочам. Ты ведь решаешь серьезные задачи. Попробуй вот этот чай. С ним можно не церемониться.

Гость какое-то время молчал, видимо пробуя предложенный смотрителем напиток.

– Спасибо, вкусно, – наконец сказал он. – Мне все равно не нравится, что здесь появилась эта девица. Не люблю, когда что-то выпадает из строгой схемы, даже если это мелочи. Если что-то пойдет не так, это будет на твоей совести.

– Все будет нормально, я присмотрю за ней.

– Я тоже присмотрю, не сомневайся. Перейдем к делу. Твоя база просторнее и удобнее других, Денис. А ты самый опытный переводчик, поэтому начнем здесь и сейчас. Сколько у тебя образцов?

– Две сотни. Еще тысяча на подходе.

– Хорошо. Для начала достаточно двухсот. Переводи партиями по двадцать, отправляй пешком по тоннелям или поверху попутками. Адрес ты знаешь. Через сутки все должны быть у меня. Понял задачу?

– Все ясно. А что делать с остальными?

– Остальных начнешь переводить завтра в это же время. Мне требуется технологическая пауза. Я ведь пока один, а пунктов перевода много.

– Тебе тоже нужны помощники, Джокер. – Бондарев покашлял. – Сыро здесь. Тебе не зябко? Могу растопить камин.

– Нет. Мне пора. Тебе тоже.

– Зачем такая спешка? У нас в запасе почти год.

– Это не спешка, а жесткий график, Денис. На нас лежит серьезная ответственность. Мы должны собрать и перевести огромное количество образцов высшего качества. Иначе наш эксперимент будет признан провальным и головы лишатся все, кто к нему причастен. Снизу доверху. Тебе дорога собственная голова?

– В ней нет ничего ценного, только куча плохих воспоминаний. Но я постараюсь.

– Нет, переводчик. – Голос Джокера сделался твердым и вновь обрел повелительную интонацию. – Ты не постарайся, а сделаешь все возможное и невозможное. За работу!

Снова прозвучали шаги, зашуршал плащ и скрипнула дверь. Последние реплики донеслись для Анны издалека и были смешаны с шумом дождя – собеседники уже стояли на пороге, и внутренняя дверь небольшого тамбура была приоткрыта.

– Удачи, Джокер.

– И тебе, Денис. – Гость сделал шаг, но вновь притормозил. – И следи за своей гостьей. Очень уж странно появилась здесь эта девица. Я допускаю, что она прислана тебе в помощь, но знаю точно, что не видел ее раньше.

– Ты подозреваешь, что ее могли прислать... недруги?

– Как внешние, так и внутренние, – дополнил Джокер. – Наш эксперимент многим не по сердцу. Помни это.

Дверь наконец-то захлопнулась, затем вновь зазвучали шаги – смотритель пересек большую комнату, и опять скрипнули петли, но теперь открылась дверь в подвал. Бондарев зачем-то направился в свои жуткие «закрома». Полные ужасных «водяных».

Воспоминание о серых существах в очередной раз заставило Анну вздрогнуть. Она попыталась прогнать воспоминание и переключиться на что-то другое, и это почти удалось, но легче ей не стало. Анна вдруг поняла, что крепко влипла.

Мысль эта стояла на трех упитанных китах. Во-первых, Анна уяснила, что Джокер прав в главном – она появилась на маяке действительно странным образом. Как, когда и почему? Она не могла этого объяснить! В памяти зияла непонятная дыра.

Во-вторых, смотритель был уверен, что Анна назначена его помощницей и это означало, что ей придется здесь задержаться на неопределенное время. Вариант собраться и уйти ей почему-то казался нереальным. После всего увиденного и услышанного она внутренне трепетала от одной мысли о Бондареве – угрюмом смотрителе странного маяка – и загадочном «переводчике». Что означает этот термин, она не понимала, но была уверена – к языковому разделу знаний он не имеет никакого отношения.

В-третьих, кроме страха перед загадочным смотрителем, Анну сковывал страх перед «водяными». Ей почему-то казалось, что они могут выползти из любой лужи, а уж этих луж после грозы было вокруг маяка полным-полно. Оказаться внутри ночного кошмара наяву она боялась до потери пульса.

В общем, как бы ей ни хотелось уйти, улететь, испариться или проснуться и забыть ужасную ночь на маяке, ничего подобного ей не светило – это факт. Оставалось просто сидеть, закутавшись в одеяло, и ждать рассвета. Хотя бы рассвета. Чтобы из полного набора факторов страха выпала хотя бы темнота.

Анна обняла себя за колени, склонила к ним голову и судорожно вздохнула. В такой переплет она не попадала никогда в жизни. Или, быть может, она просто этого не помнила? Анна уцепилась за мысль и попыталась взбудоражить память. Она отлично помнила все, что происходило вчера примерно до семи вечера. Дальше – как отрезало.

Поначалу бесплодные попытки «вспомнить все», бодрили, но затем перенапряжение породило утомление, и Анна незаметно провалилась в тревожный сон.

Ей снились скалы, грохочущие волны и «водяные», которые выходили из пещеры, поднимались по винтовой лестнице маяка на площадку с фарой, жутковато гримасничали перед сложными зеркалами-ламелями отражателя, затем что-то говорили вцепившейся в поручни Анне и прыгали в море. Она пыталась запомнить их слова, но разум отказывался не только запоминать, но даже понимать смысл сказанного.

«Может, Бондарев все-таки настоящий переводчик? С языка «водяных» на человеческий? Но зачем ему понадобилась я?! Чем я способна помочь?»

Один из «водяных» подошел к Анне ближе других и тоже что-то сказал. И девушка вдруг его поняла! Он сказал: «Взгляни на себя».

Существо сделало шаг в сторону отражателя и поманило Анну. Гостя маяка безвольно отпустила поручень и сделала два шага к зеркалам. В глубине рассеченного на десятки полосок отражения появилась лишь серая тень, но подойти ближе не было сил. «Водяной» расплылся в жуткой ухмылке и снова поманил. Анна, словно под гипнозом, сделала еще один шаг, подалась вперед, заглянула в составное зеркало и... проснулась.

Город на побережье

Сегодня

Приятно встретить весеннее утро за городом. Взмывшее над лесом солнышко пока не припекает, на чистой после ночной грозы траве искрятся бриллиантовые капли, птицы заливаются, воздух пьянит. Райская обстановка.

«Если не оборачиваться в сторону федеральной трассы, – подумал инспектор дорожно-патрульной службы капитан Фомин. – Она никак не вписывается в пасторальный видеоряд. Вообще никак».

Асфальтовая трасса не только сама по себе выпадала из «экологически чистой» темы, она после серьезной аварии была покрыта неряшливыми обломками и ошметками, которые разлетелись едва ли не на весь тринадцатый километр Южного шоссе. Слава богу, пострадавшие выжили, но капитан Фомин относился к машинам, словно к живым существам... ну, к условно живым... поэтому вид покореженных автомобилей его всегда расстраивал.

Инспектор обошел первую из трех груд металла, остановился, повернулся к ней спиной и проводил задумчивым взглядом крадущуюся по обочине легковушку. Дорожно-транспортное происшествие перекрыло трассу на две трети, но пробки пока не намечалось, слишком ранний был час. Тем не менее работать требовалось быстро.

Фомин снова перевел взгляд на место происшествия. Его напарник завершил замеры и теперь возился с какими-то приборчиками. Капитан присмотрелся. Лейтенант Кравченко снял с машин видеорегастраторы и теперь пытался скопировать в свой планшет их записи. Этим следовало заняться позже, но Фомин не стал одергивать лейтенанта. Основную работу экипаж сделал, протоколы составил, теперь все равно ждать эвакуаторы. Запас времени имелся.

Фомин подошел к служебной машине и склонился над плечом напарника.

– Что видишь?

– Все, как мы и установили. – Кравченко поднял взгляд на товарища. – Вот я и не понимаю: почему нельзя было сразу посмотреть?

– Все потому же. – Фомин вздохнул. – Чтобы ты мозгами не разучился шевелить. А то все у вас в гаджетах. Вместо того чтобы память тренировать, вы большой палец накачиваете. Чуть что, сразу гуглите. А вот тут, например, на трассе, где Интернет через раз фурычит, где под-сказки брать? Короче говоря, молод еще мои методы критиковать. Комментируй, что видишь, мне монитор бликует.

– Ну, что... это запись из первой машины. Средний ряд. Скорость разрешенная. По правой полосе идут три транспортных средства. Чуть впереди грузовик, позади универсал отечественного производства, рядом второй автомобиль из числа пострадавших.

– Слушай, Алексей, давай чуток попроще. Не на разборе.

– Здесь два варианта записи: внутренняя и наружная. Вот обе, синхронно в соседних «окошках». Ни впереди, ни слева никаких помех, но водитель первой машины вдруг шарахается вправо и собирает на себя две попутки из правого ряда. Чуть быстрее бы ехал, мог под грузовик залететь.

– Увеличь внутреннюю картинку. Видишь, он испугался. Голову в плечи втянул, словно увидел, что ему в лобовик что-то летит. Если перед ним ничего не было – неадекватное поведение у гражданина.

– Ну да. Только мы ж его видели. Не пьяный. И врач скорой подтвердил. А здесь видно, что не задремал он и не замечтался вроде бы. Явно что-то увидел впереди.

– Но ведь ничего не было.

– Не было. – Кравченко кивнул и перевел взгляд на дорогу. – Не проводов же он испугался.

– Этих? – Фомин кивком указал на высоковольтную линию, которая условно пересекала шоссе на приличной высоте. – Их он и заметить не должен был. Может, сбоку что-то летело, да не прилетело? Со второй машины запись имеется?

– Вторая без регистратора была. Я сейчас из третьей машины запись воткну. С ее камеры вся картина как на ладони должна быть.

Запись с видеорегистратора третьей машины особой ясности не внесла. На ней полицейские увидели только очередное подтверждение своим выводам – первая машина потеряла управление, резко ушла вправо и собрала на себя две попутки. Шесть пострадавших, один – в тяжелом состоянии.

– Фиг поймешь, какая муха его тяпнула. – Фомин снял кепи и почесал в затылке. – Ладно, дальше не наша работа.

– Совершенно верно, – послышалось откуда-то справа. Капитан обернулся и смерил взглядом возникшего рядом с машиной дорожной полиции высокого, крепкого брюнетистого незнакомца в штатском. Вот именно так – «незнакомца в штатском». Одет фактурный мужчина был в свободном стиле, как рядовой гражданин, который отправился в дальнюю поездку – кроссовки, джинсы, толстовка с капюшоном поверх сорочки поло... Но глаз у Фомина был наметан, поэтому взгляд капитана сам собой опустился на уровень груди незнакомца.

Мгновением позже «товарищ в штатском» поднял на этот уровень руку, расстегнул толстовку и вынул из кармана рубашки служебное удостоверение МГБ.

– Майор госбезопасности Данилов.

– Капитан Фомин. Вам чего?

Капитан понимал, что начал не с той ноты, но на сотрудников ведомства, которое представлял появившийся ниоткуда, словно привидение, майор Данилов, у Фомина была аллергия странной формы. Начинать ерепениться и грубить. С давних пор повелось, была одна неприятная стычка с Конторой на заре карьеры.

– ДТП оформили? – Данилов, казалось, не удивился «теплому» приему. – Карты памяти с видеорегистраторами – мне, и можете ехать. Эвакуируем железки мы сами.

– Не по инструкции. – Фомин встал было в позу, но быстро обмяк. – Нужен приказ нашего начальства.

– Ноль проблем. – Данилов бросил взгляд на бортовой номер экипажа, а затем на регистрационный знак. – Андрей Евгеньевич, доброе утро. С вами хочет поговорить экипаж машины... 4597, борт 130... да, капитан Фомин. Нет, ведет себя в рамках приличия, просто сомневается в моих полномочиях. Да нормальная ситуация, рабочая, претензий нет. Просто прикажите, будьте добры.

Майор протянул телефон Фомину. Капитан зачем-то взглянул на экран, незаметно вздохнул и приложил трубку к уху.

Разговор с начальством вышел короткий, поэтому через пять минут экипаж ДПС был далеко от места происшествия, которое очень быстро зачищали люди в черной униформе без опознавательных знаков, неведомо откуда взявшиеся, как и командующий ими майор. Скорее всего, к исходу пятой минуты они вычистили шоссе до блеска.

– Перегибаю, конечно, но через полчаса там и следов не останется. – Фомин проводил коротким взглядом три проехавших мимо эвакуатора и усмехнулся. – Как думаешь, Алексей?

– Не нравится мне эта история.

– Очень даже с тобой согласен. А что делать, когда история тухлая?

– Забыть о ней?

– Фиг ты угадал. Не получится. Нужна версия. Собственная. Пусть она и не будет истинной. Но версия нужна. Иначе фиг выкинешь из головы этот эпизод. Понял, да?

– Еще один метод от Фомина?

– А чем тебе мои методы не по вкусу? Ассортимент широкий, осваиваются просто, всегда работают, что еще надо?

– Ну хорошо. – Кравченко усмехнулся. – И какую версию мы примем за истину? В ДТП попал кто-то из Конторы? Или, наоборот, разбился шпион и в его машине есть тайник?

– Давай-ка тормозни и достань свой планшет. Ты же записи скопировал?

– Обижаете. – Кравченко прижал машину к обочине. – Только мы вряд ли увидим что-то новое.

– Может, чего и увидим. Ты заметил, какой регистратор был в третьей машине? Дороже, чем комплект резины на эту модель. Разрешение – супер... или как его... фулл... чего-то там. Включай.

Фомину пришлось трижды прокрутить ролик с происшествием, столько же раз почесать макушку и проронить «фиг поймешь», прежде чем в глубине сознания у него прозвенел тревожный колокольчик. Капитан потребовал от Кравченко прокрутить эпизод медленно и в какой-то момент крикнул «стоп!».

– Увеличить вот этот кусок можно? – Фомин указал на правое зеркало первой машины.

– Можно. Тут разрешение и впрямь чудовое. Так пойдет?

– Еще. Хочу в зеркало заглянуть. Что-то там не то отражается.

– Что «не то»? Попутки, еще машины... приотставшие, и... вот блин! Вертушка?!

– Ну, логично предположить, что вертушка. – Капитан покачал головой. – Еще можешь увеличить?

– Вот. Предел. Дальше размыто будет.

В режиме предельного увеличения без потери качества картинка отражение в боковом зеркале машины вписалось как раз во весь экран. В нижней части застывшего кадра все выглядело вполне прилично: шоссе, трава по обочинам, две попутки. Чуть дальше на шоссе виднелась еще пара машин. А вот верхняя часть кадра выглядела необычно и, честно говоря, пугала. На ней была запечатлена необычного вида летающая фиговина.

На первый взгляд она действительно выглядела как вертолет – такой же вытянутый фюзеляж, утонченный к хвостовой части, но у нее не было несущего винта. Вообще, с двигателями было как-то непонятно. Их словно и не было вовсе. И на корпусе в принципе было мало деталей. Имелась только пара коротких, опущенных вниз то ли крыльев, то ли оружейных подвесок под брюхом да иксообразное оперение на конце так же опущенного книзу хвоста.

Чем-то этот непонятный летающий объект напомнил Фомину дельфина или кита. Только из металла или чего-то подобного, на вид очень прочного. Как броня.

– Не знаю, как вам, а мне почти ясно, почему водитель пригнулся и шарахнулся в сторону. – Кравченко удивленно присвистнул. – Это что вообще?! Не вертушка – точно. Ракета, может, крылатая?

– Из каких ночных кошмаров какого сумасшедшего военного инженера? – Фомин жестом приказал медленно продвинуть запись вперед.

Непонятного вида вертолет... или что там... крылатая ракета... словом, неведомый аппарат пролетел над третьей машиной и вдруг резко снизился на пару метров. На высоту примерно метра над дорогой. И случилось это как раз над тем местом, где в тот момент находился виновник аварии. То есть, по всем раскладам, «летающий кит» должен был смять первой машине крышу. Однако ничего подобного не случилось. Оба полицейских четко помнили, что крыша у первой машины была на месте.

– Чем дальше в лес, тем больше вопросов. – Кравченко откашлялся. – Не работает ваш метод, товарищ капитан. Осечка.

– Ни фигя не осечка. – Фомин мотнул головой. – Просто истина оказалась не где-то рядом, а чуть дальше.

– То есть теперь нам надо найти объяснение вот этому летающему динозавру? Надо понять, что это за хреновина и почему она не раздавила машину?

– Неправильно ты, Кравченко, сформулировал вопрос. Надо спросить: что это за фигня и почему она была видна только в зеркале заднего вида? И уже после – почему она не раздавила машину, а только напугала водителя?

– А может, просто забудем, как и приказало начальство?

– Ты готов? Флаг в руки. Я не смогу. Это первое. А второе – ты уверен, что этот случай большая редкость?

– Ну, как бы... нет, не уверен. – Лейтенант покачал головой. – Даже думаю, что все наоборот. Случаев таких много, только мы пока не в курсе. Слишком уж быстро чекисты примчались.

– При этом...

– Их никто не вызывал, – закончил Кравченко.

– Соображаешь. – Фомин откинулся на спинку и с опаской взглянул в боковое зеркало. – Это хорошо. Это лишний шанс.

– На что?

– На выживание. Если что-то вдруг закрутится. Аномальное что-нибудь.

– Да ну-у... – Лейтенант скептически хмыкнул и покосился на картинку в планшете, а затем недоверчиво взглянул на Фомина. – Никогда не поверю, что вы мистикой увлекаетесь! Или... что? Вы действительно... считаете, что-то намечается?

– Фиг его знает, посмотрим. – Капитан коротко махнул. – Поехали. Мистика – отдельно, котлеты – отдельно. Работа ждет, поехали.

Глава 3

Базовый плацдарм – Земля

Восемь земных месяцев назад

Сотник Нео Красс любил свою работу в первую очередь за то, что она давала ему свободу. Ту самую свободу, которой так не хватало на борту мобильной базы Атакующего флота «Красный».

База была огромной. Чтобы пройти пешком по всем ее коридорам, отсекам, ангарам и модулям, требовалось, по слухам, не меньше года, но все равно это было замкнутое пространство! Жизнь на базе была жизнью внутри.

Совсем другое дело – жизнь на планетах, пусть даже слабо приспособленных для этой самой жизни. Там ты находился снаружи, видел горизонт или горные вершины, видел небо. Голубое, красное, лиловое в крапинку – любое. Главное, что это было небо. Именно небо над головой сотник Нео считал главным признаком свободы.

Нет, верный присяге и дисциплинированный сотник не смешивал понятия, он четко разделял свободу и вольнодумство пополам с разгильдяйством. Красс не пренебрегал своими обязанностями, когда оказывался на планетах. Ему было достаточно понимания, скорее даже иллюзии, что он волен выбирать любые пути, что ему предоставлена свобода действий, свобода выбора и принятия решений.

А еще на обитаемых планетах Нео был волен выбирать круг общения. При всей любви и уважении к боевым товарищам и прочим согражданам, составлявшим экипажи мобильной базы, боевых кораблей, модулей обеспечения и вспомогательных судов, Крассу не хватало свежего, живого, незаштампованного общения. Ему хотелось узнавать новых людей, изучать новые народы, их обычаи, привычки, образ мышления.

Собственно, эта склонность и привела его в разведку, хотя она же и немного навредила.

Нео всегда был очень разносторонним и увлекающимся человеком. В ранней юности он мечтал стать путешественником, открывающим новые миры, чуть позже изучал древнюю медицину и ее современное воплощение – молекулярно-генетическую реконструкцию, позже ударился в международное право и социологию и только после начала противостояния Империи с Хармором пришел к профессии военного разведчика.

Не будь Нео Красс таким увлекающимся, его могли бы назначить и в стратегическую разведку, а так отправили только в тактическую. Видимо, психологи посчитали, что длительное пребывание среди аборигенов может повлиять на неокрепшую личность Красса, заставит его проникнуться теплыми чувствами к обитателям места внедрения и даже ассимилироваться.

Обидно, конечно, что Нео посчитали таким слабохарактерным, но что тут поделать?

«Невозможно вернуться в юность, чтобы притоптать свою наивную восторженность от романтических перспектив, которые сулило каждое из увлечений. Придется служить там, где служу. Хотя шанс имеется. Надо только проявить себя так, чтобы заметило руководство стратегической разведки. И похоже, у меня это может получиться в самое ближайшее время».

Предположение Красса имело все шансы воплотиться в реальность. То, что он видел, а искусственный разум корабля записывал, выглядело просто... информационным взрывом окончательного распада! Сотник совершенно справедливо полагал, что после рапорта обо всем происходящем на Базовом плацдарме его просто обязаны будут заметить. Может, даже наградить. Вот как раз на вручении награды ему и следует попроситься в стратегическую разведку.

В этом простом, но реальном плане смущал только один тонкий нюанс – как смотреть в глаза Бери. Этот добродушный медведь сделал из Красса разведчика, вложил в него массу сил. Переход в стратегический отряд будет выглядеть некрасиво по отношению к Бери.

Мысли о старшем тысячнике вернули Нео из сферы фантазий о будущем к текущим делам.

«Окажешься в гуще событий... если там что-то происходит». Последние слова Бера почему-то звучали в голове у Нео целые сутки, пока корабль-разведчик болтался вне пространства и выходил на орбиту Земли. Могли бы звучать, наверное, и двое суток, но посудина у Красса была действительно самая новая, а потому перемещалась в пространстве-времени и за его пределами вдвое быстрее остальных кораблей флота.

Когда же корабль Красса вышел в точке фокуса порталных зеркал, на орбите Земли, и Нео включил сферический обзор, фраза Бера буквально взорвалась у разведчика в голове и рассыпалась тысячами искр. И каждая из этих искорок превратилась... в спутник!

По орбите Земли летали тысячи мелких искусственных лун и разливалось море радиосигналов! Более того, на орбите висели не только автоматические аппараты, здесь обнаружались и обитаемые станции. Красс своими глазами видел вышедших в открытый космос людей в массивных скафандрах.

«Если там что-то происходит...» Оговорка Бера была лишней! Нео видел это вполне отчетливо. Определенно орбиту Земли кто-то оккупировал. Именно так решил Красс сначала.

Более того, когда не удалось определить принадлежность спутников и расшифровать сигналы, фантазия у Красса не на шутку разыгралась. Искусственный разум корабля-разведчика утверждал, что они не принадлежат ни одной из цивилизаций, контактирующих с Империей, и это означало, что назревает контакт с неведомой доселе космической нацией!

От этой мысли Нео сначала разволновался, но вскоре успокоился и внушил себе, что вполне готов стать первым, кто пожмет пришельцам руку, клешню, щупальце... что там у них имеется, или же ударить по ним из всех стволов – как решит штаб. Но сначала – разведка на грунте с целью выяснить, насколько далеко зашла экспансия пришельцев.

Принятое решение оказалось очень верным. Результат превзошел все ожидания, хотя в ключья порвал зародившиеся у Нео фантазии.

Пока корабль снижался, его искусственный разум все же взломал кодировку сигналов «пришельцев» и внедрился в их информационную сеть.

Тут-то Красса и постигло разочарование, но вместе с тем накрыла новая волна фантазий. Искусственный разум корабля сделал поразительный вывод. Никаких пришельцев на Базовом плацдарме и вокруг него не было! Все, что видел Красс, было заслугой... самих землян!

Сказать, что этот вывод поразил Нео Красса, – не сказать ничего. Разведчик какое-то время пребывал в шоке. Однако отправлять предварительный рапорт тысячнике Бери он не стал. Изумление и прочие эмоции не должны были отразиться в докладе. Только сухие факты и холодные выводы. Даже без выводов, просто сухие факты.

После того как корабль вошел в атмосферу, этого добра накопилось – полный трюм и лодка на прицепе, но Красс хотел перестраховаться. Он продолжал изучение, то поднимая корабль под облака, то прижимая к земле, чтобы своими глазами увидеть *все* детали.

Их было много, они удивляли, но, когда сотник увидел один из крупных городов, он испытал не просто удивление. Это был настоящий восторг. Нет, Красс восторгался не совершенством или красотой рукотворных произведений землян, хотя многие здания, конструкции и механизмы были достойны всяческих похвал. Сотника поразил масштаб возможностей землян.

За какую-то тысячу местных лет они не шагнули, а прыгнули далеко вперед в своем развитии. Они освоили и, главное, применили на практике сложнейшие науки. Прошли путь от деревянного плуга и лука до вполне эффективного робота-комбайна и лазерной пушки, от лачуги-землянки до скребущей небо стоэтажной башни, от запряженной животными повозки до летающей в космос металлической птицы.

Никогда и нигде прежде цивилизация не развивалась такими темпами. Если ее не стимулировали, конечно. Но Красс был почти уверен, что постороннего вмешательства не было. Слишком уж самобытными выглядели изобретения землян. Как ни старался, разведчик не смог выявить ни одной реплики, ни одной ссылки на изобретения Империи Доминуса или ее извечного врага Хармора. Это значило, что земляне дошли до всех своих достижений самостоятельно, шаг за шагом, не полагаясь на чьи-то подсказки.

Как такое могло произойти, Красс не понимал, но верил выводам ИРК.

«Все-таки очень трудно будет сдерживать эмоции в рапорте!»

Корабль-разведчик Красса в очередной раз снизился над широкой дорогой и полетел на высоте в два корпуса вдоль темно-серой транспортной ленты. Красс отлично помнил, какие были дороги на Земле десять имперских лет назад, во времена предыдущей перегруппировки флотов АИД. В лучшем случае – мощенные булыжником, но всегда узкие настолько, что на них едва разъезжались гужевые повозки.

Теперь же в каждую сторону могли проехать по три экипажа, да еще и с большим запасом по бортам, а поверхность дорог была ровная, как стол. Да и гужевых повозок Красс не увидел, как ни старался. Экипажи землян, сделанные из металла, пластика и стекла, приводились в движение с помощью довольно примитивных, но достаточно мощных моторов на органическом топливе.

После всего, что Красс обнаружил на орбите планеты и в атмосфере, которую протыкали закругленными клювами тысячи металлических птиц с пассажирами на борту, наземные транспортные сети уже не сильно удивили. Но общее впечатление они однозначно усилили.

«Еще десять лет назад по атомному времени Империи здесь был гужевой уровень железного века, – в очередной раз мысленно восхитился Нео, – а теперь процветает космическая цивилизация орбитального класса. Разве не чудо?!»

Нео вдруг почувствовал, что корабль резко меняет высоту, снижаясь почти до поверхности земли. Причина оказалась простой – впереди над шоссе висели канаты, по которым передавалась энергия. Передавать ее нормальным способом, без физического носителя, земляне пока не научились.

Корабль прошел под электрическими канатами впритирку, на грани, все обошлось.

«Почему не поднялся выше? – мысленно, через коммуникационный имплант, обратился Красс к искусственному разуму корабля. – Что за бравада?»

– Проверка параметров трансформации. – ИРК ответил голосом. – Подгонка габаритов и аэродинамических контуров внешней обшивки корабля завершена.

– Любишь ты покрасоваться. – Нео вздохнул. – Как только вернемся на базу, поставлю тебя на перекодировку. Пусть техники разберутся, откуда у тебя этот перекосяк в мозгах.

– Искусственный разум обязан подстраиваться под стиль работы живого партнера.

– То есть ты намекаешь, что это у меня мозги с изъяном? – Красс усмехнулся. – Теперь точно отправлю на перекодировку.

– Ваш образ мышления нестандартен, сотник. Вы эмоциональны и слабо прогнозируемы. Я только отражаю эти ваши особенности. И если после перекодировки мы вновь будем работать в сцепке, ничего не изменится, я снова скопирую ваш стиль.

– То есть ты хочешь сказать, что – будь корабль на ручном управлении... я тоже пролетел бы под канатами, а не над ними?

– Все верно, сотник. Это вы любите покрасоваться, а я только...

– Отражаешь мою личность по мере скромных сил своего искусственного разума, – закончил Красс. – Все понятно. Хорошо, что на шоссе никого не было. Не то раздавили бы мы с тобой пару экипажей. Больше так не делай.

– Не могу обещать, сотник. Как и вы не смогли бы.

– Вот зараза! Ладно, закрыли тему! Что там со сбором сведений из информационного пространства планеты?

– Сбор будет завершен через три минуты по атомному времени Империи.

– Это значит, через пять часов по времени Земли, – мгновенно пересчитал Красс. – Уходи в дикую местность. Я видел, к востоку от города есть такая. Подышу свежим воздухом, пока ты завершаешь сбор. Заодно проведем бактериологический анализ. За тысячу местных лет в этом сегменте местной биосферы многое могло измениться. Зачем нашим воинам насморк от какого-нибудь нового вируса?

– Побывать на отдыхе в порту и не подцепить какую-нибудь болезнь... это не отдых. – Искусственный разум корабля определенно пытался шутить, но подобрать нужную интонацию не смог, а потому и без того сомнительная шутка вовсе смазалась. Не помогла даже пауза в нужном месте.

– Учиться тебе еще и учиться. – Красс вздохнул. – Век по атомному времени Империи, не меньше. Да только так жестяным болваном и отключишься...

Маяк

Сегодня

Анна широко распахнула глаза и увидела белую чайку на фоне безупречно чистого синего неба. Рассмотреть еще что-то через узкое окно ей не удалось, но и этого фрагмента оказалось достаточно, чтобы стереть большую часть воспоминаний о кошмарных сновидениях и жутковатых событиях прошедшей ночи. Добавили живительного позитива лучи восходящего солнца, уверенно вонзившиеся в стену слева от окна. Утро стучалось в отмытое штормовым дождем стекло и обещало растворить в спокойном лазурном море, совершенно не похожем на бесновавшийся ночью свинцово-серый кошмар, все страхи, опасения и даже малейшие сомнения.

Радовали также звуки. Теперь основой звукового фона был едва слышный шелест прибора, которому вторили птицы, и далекие веселые голоса. Где-то разговаривали, радостно покрикивали и смеялись люди. Судя по ритму и всплескам в интонациях, они во что-то играли и по ходу игры возгласами комментировали свои успехи.

Анна прислушалась. Что-то ритмично и глухо постукивало. Наверное, мяч. Возгласы следовали как раз после ударов по нему. Играли в футбол?

«Где они нашли площадку? Кругом острые скалы да промоины, ни одного ровного участка. Даже в волейбол не сыграть, а не то что попинать хотя бы в одни ворота. И вообще, откуда здесь взялись эти веселые игроки? Шторм выбросил на берег какое-то судно? Тогда им не до веселья должно быть».

Анна поднялась с кровати, потянулась и осторожно подошла к окошку. Никаких игроков снаружи она не увидела, но звуки стали более отчетливыми. А еще они разделились, и часть голосов переместилась внутрь маяка.

По деревянному столу застучали кружки, загудели придвигаемые лавки, слышались мужские голоса и женский смех. Кавалеры развлекали дам. Где-то в сердцевине звуковой мешанины из молодых голосов промелькнули басовитые нотки голоса с хрипотцой. Похоже, это был голос зрителя. Показалось или нет, Анна не поняла. Не успела понять.

Дверь вдруг распахнулась, и в спальню ввалилась парочка. Вихрастый долговязый юноша и девушка на голову ниже кавалера игриво тискались друг друга и целовались так, словно собирались высосать друг другу мозги. Увидев Анну, они расцепились, поправили одежду, синхронно засмутились и, расплывшись в глупых улыбках до ушей, попятились.

Анна покачала головой, улыбнулась им в ответ и кивком предложила пройти в комнату. Гости окончательно смутились. Пока парочка мялась, решая, следует ли воспользоваться таким подарком, Анна покинула спальню и прикрыла за собой дверь.

В большой комнате тоже было светло и жизнерадостно, разве что не так сильно пахло гормонами, как в покинутой Анной спальне. По залу витал аромат заваренных смотрителем трав. За столом сидели человек десять, и все пили чай.

Анна окинула взглядом гостей и пришла к выводу, что, если на берег действительно выбросило судно, это был прогулочный кораблик, на котором отмечали праздник какие-то студенты. Вероятно, физкультурного университета. Все сидевшие за столом люди были молоды, спортивны и бодры. Оставалось понять, с какого они факультета.

«В каком виде спорта команда состоит из юношей и девушек в равном количестве? – Анна невольно пожала плечами. – Не обязательно они во что-то играют. Могут быть просто легкоатлеты или пловцы».

Почему-то вариант с пловцами Анне приглянулся больше. Фигуры у молодых людей были скроены по одному стандарту: широкие плечи, развитые грудные клетки, тонкие талии, мощные, но без лишнего рельефа руки и ноги. А еще ей бросился в глаза странный факт: все ребята были одеты в какие-то обноски. Чистые, но старые, словно из бабушкиного сундука.

Взгляд скользнул в сторону зашторенной ниши, в которой прятался окованный сундук с вещами смотрителя.

«Или из дедушкиного? Вместо промокшей одежды Бондарев одолжил им свои запасы? Почему бы нет? Чаем ведь угостил. Однако популярное оказалось местечко. Никогда бы не подумала, что маяк может быть настолько оживленной туристической точкой. Два посетителя за вечер и целая толпа утром».

За столом снова зазвенел смех, и Анна тоже невольно улыбнулась. Она не расслышала шуток, но сама атмосфера помогла ей расслабиться и поймать позитивную волну. Воспоминания о тревожной ночи окончательно ушли куда-то в архивы памяти. Анна поймала себя на том, что даже называет ночь не кошмарной, а тревожной.

Единственное, что не изменилось – ощущение несвободы. Анна по-прежнему опасалась, что не сумеет уйти с маяка без разрешения смотрителя. Впрочем, пока Бондарева не было в поле зрения, этот момент не сильно беспокоил.

– О! Доброе утро, хозяйка!

Один из парней поднялся из-за стола, сделал пару шагов навстречу Анне, улыбнулся и кивнул.

– Доброе. – Анна улыбнулась в ответ.

– Денис Артемович предупредил, что вы всю ночь работали. А мы вас разбудили, да? Простите великодушно!

Анне понравились манеры этого молодого человека. Да и внешне он был очень даже ничего. Высокий, статный, голубоглазый, с точеными чертами лица. Хоть на обложку. Но главное – как он смотрел на Анну. Заинтересованно и доброжелательно. Так на нее не смотрели очень давно. Лет десять, наверное, с таких же вот беззаботных студенческих времен.

После университета Анну занесло в скучнейшую лабораторию, где самому молодому сотруднику было далеко за сорок, а работа считалась главным в жизни. Ни о каких служебных романах там не могло быть и речи, а на поиски счастья в свободное время не хватало сил. Да и оставалось его, свободного времени, только на сон. Несколько раз Анна пыталась использовать в корыстных целях командировки, но ничем хорошим эти попытки не увенчались.

И вот Анна вдруг будто бы вернулась в те прекрасные времена, когда все было впереди, а энергия и оптимизм били ключом. Шанс? Почему бы нет?

– Я не хозяйка. – Анна постаралась придать улыбке хоть какой-то оттенок шарма. – Я в гостях у Дениса Артемовича. По служебным делам.

Вроде бы получилось. Во всяком случае, парень не отвел взгляд.

– И в гостях, и по делам? – парень вновь кивнул. – Отличное сочетание. Почти как у нас. Мы ехали на практику, но автобус сломался, а попытка добраться пешком обернулась

настоящим приключением. Была такая гроза, что мы сбились с пути. Спасибо зрителю, что заметил нас и привел сюда.

– Вы студенты?

– Да, мы будущие геологи. Здесь неподалеку наш учебный лагерь, изучаем минералы. А вы чем занимаетесь?

– Я гидролог.

– Близкая специальность! – Парень рассмеялся. – «Вода и камень, лед и пламень»! Все в мире связано. Вы были наверху?

– Не успела. Приехала... вечером, перед самой грозой.

– С площадки маяка потрясающий вид! Хотите, поднимемся?

– Если Денис Артемович не будет против... – Анна с опаской оглянулась. – Наверное, это запрещено.

– Ничего подобного! Мы все там побывали. Зритель – добрейшей души человек! Ну и мы приличные люди, ничего руками не трогаем. Идем? Кстати, меня зовут Игорь. А вы – Анна, правильно? Идем!

Он протянул руку. Анна просто не нашла в себе сил сопротивляться обаятельному натиску студента. Взяла его за руку, как послушная школьница, и пошла к винтовой лестнице.

Подняться удалось только на три ступеньки. Оказалось, что зритель тоже поднимался на площадку и теперь двигался обратно. Вместе с ним спускались три студента: девушка и двое юношей. Разминуться с ними на лестнице представлялось делом непростым, поэтому Игорь и Анна были вынуждены сдать назад.

– Доброе утро. – Бондарев взглянул на Анну исподлобья, пристально, словно оценивая ее состояние. – Как себя чувствуете?

– Хорошо. – Анна оторопела. То ли от его взгляда, то ли от голоса.

– Наверх собрались? – Зритель бросил взгляд на Игоря. – Погодите. Надо мне с хозяйкой переговорить.

Он вновь посмотрел на Анну. Она хотела возразить, что вовсе не хозяйка, даже открыла рот, но слова застряли в пересохшем горле. Внезапно ночные страхи вернулись и почти парализовали тело и волю. Зритель буквально гипнотизировал Анну, как тот «водяной» в финале ночного кошмара.

– Удаляемся! – Игорь вскинул руки и сделал пару шагов назад. – Жора, как тебе вид?

– Скалы, море, небо? – откликнулся один из парней, спускавшихся следом за Бондаревым.

– Солнце еще! И в такой все гармонии... просто ни добавить, ни убавить. Разве не отличная картина?

– Дичь, – проронил Жора равнодушно. – Дичь и глушь.

– Наш Георгий просто жуткий романтик, – язвительным тоном заметила девушка из свиты Бондарева.

– Чья бы Ундина... помолчала? – Жора обернулся к парню, определенно спутнику высказавшейся девушки.

– А в лоб? – парень криво ухмыльнулся.

– Не здесь. – Жора мрачно взглянул на зрителя. Этот тип явно не вписывался в развеселый коллектив, но его почему-то терпели и даже относились к нему по-дружески снисходительно. Во всяком случае, было понятно, что никакой дуэли за скрытое оскорбление «Ундины» не последует. Ни здесь, ни где-то за пределами маяка.

– Идем. – Бондарев кивнул Анне и взглядом указал на дверь спальни.

– Там... занято, – выдавила из себя Анна.

– Тогда в подвал, – решил зритель.

– Нет! – Анна вытаращилась на Бондарева в полнейшем ужасе.

– Боишься кого-то? – Смотритель спрятал ухмылку. – Крыс, что ли? Там их нет... больше.

– Больше?! – Анна задала вопрос шепотом.

На нормальную громкость ее просто не хватило. Голос пропал, голова опять закружилась, а ноги начали подкашиваться. Бондарев заметил, что «хозяйка» обмякла, и крепко ухватил ее за талию.

– Тогда на воздух, – решил смотритель. – Не отдохнула ты еще, надо проветриться, умыться. Прогуляемся до моря. Вы, ребята, пока чаю попейте.

Он кивнул Жоре и Игорю, а затем потащил Анну к выходу из маяка.

Анна перебирала ногами, но почти не участвовала в движении. Бондарев легко нес ее, обхватив одной рукой, словно девушка весила немногим больше своей одежды. Смотритель был, конечно, крепким мужчиной, но все равно это казалось необычным. Ведь ночью ему потребовалась помощь. И в разговоре с Джокером он настаивал, что без помощника ему не обойтись.

«Может быть, дело во мне? Может, это я становлюсь какой-то другой, странной, ненастоящей? Почему я реагирую на смотрителя, как кролик на удава? Вчера еще такого не было. До того, как я стала ему помогать. Или до того... как попробовала его чай?! Неужели на меня действуют его травы? Что в них? Приворотное зелье? Наркотические вещества? Яд? Я умираю? Но ведь я размышляю, вижу, слышу, чувствую. В чем тогда подвох? Я превращаюсь в некое существо, вроде тех «водяных»? Я превращаюсь в серую тварь?! – Анна вдруг представила, как стоит в подземном озере под водой и смотрит сквозь ее толщу на смотрителя. – Вот где разгадка! Бондарев собирает людей в своем маяке, опаивает их и превращает в серых «водяных»! А потом отправляет их к Джокеру!»

Вариант казался вполне реальным. Не стыковалось одно: Георга смотритель притащил с побережья.

«Существо попыталось сбежать из подземного озера, но не рассчитало свои силы? Нет, не похоже. – Анна вдохнула свежий воздух и попыталась встать на ноги. – Джокер говорил, что «образцы» должны прийти к нему пешком. Если так, сил у них должно быть много, а выглядеть они должны нормально, не серыми трупами, а живыми людьми. Здесь какая-то другая разгадка».

– Лучше? – Бондарев отпустил талию спутницы.

– Да, – шепнула Анна.

– Выпей. – Он протянул девушке свою заветную фляжку.

– Не надо, я так... я справилась уже.

– Выпей. – Смотритель нахмурился.

– Я не хочу!

– Я разве спрашивал, чего ты хочешь? – Бондарев неожиданно сменил гнев на милость и от души, словно Анна искрометно пошутила, рассмеялся. – Или, думаешь, меня кто-то спрашивал? Пей, говорю. Нам еще работать.

– Но... – Анна, проклиная себя за безволие, сделала большой глоток зелья из фляжки. – Но чем я могу вам помочь? За рамками своей специальности я ничего толком не умею. Даже по хозяйству.

– Я научу, – пообещал Бондарев и тоже приложился к фляжке. – Видишь, это не отравя.

– Я и не думала...

– Думала. – Смотритель спрятал флягу в карман. – Я тебя насквозь вижу. Я всех вас насквозь вижу. Как стеклянных.

Белая чайка в синем небе сделала круг над маяком и умчалась куда-то в сторону моря. Анна проводила ее тоскливым взглядом и уставилась себе под ноги.

«Жаль, что люди не летают, как птицы, даже если очень сильно этого хотят».

Город на побережье

Сегодня

Полковник Старченко вошел в свой кабинет под бой старинных часов. Так себе удовольствие – слушать каждый час это бряканье, но в министерстве приветствовались традиции, символы связи поколений и прочая сентиментальная чушь.

У начальника, например, половину кабинета занимал дубовый стол под зеленым сукном и с гербом Советского государства во всю фронтальную панель, а на окнах висели столетние портьеры с кистями. У первого зама в стену был вмонтирован двухметровый каменный барельеф с профилями Ленина, Сталина и Кирова, а в кабинете второго заместителя на бархатно-алом постаменте стоял огромный бюст отца-основателя МГБ Феликса Дзержинского. Естественно, это художественное произведение было выполнено из железа.

Полковнику Старченко досталось меньшее из всех музейных зол – необычные часы с боем, производства фабрики поставщика Императорского двора Павла Буре. Нестандартность старинного шедевра заключалась в том, что это были не напольные часы с маятником, выполненные в виде высокой узкой этажерки, а большое, закрепленное на стене круглое зеркало с римскими цифрами, ажурными стрелками и вытравленной под скважиной для заводного ключа надписью: «Павель Буре. 1897». Если бы не старческие трещинки на вычурной резной раме, слегка потускневшая поверхность зеркала и басовитый механический бой, часы можно было бы принять за этакое современное переосмысление классики.

Старченко уселся в кресло, коснулся экрана компьютера и буркнул привычно «личная папка, новое». Компьютер отреагировал незамедлительно и открыл самый свежий файл – отправленные Архиповым материалы по частной военной компании «Рюрик». Полковник быстро отыскал нужный раздел и вывел крупно список группы Лектора.

Лектор командовал группой в полсотни бойцов, но Старченко без труда отфильтровал тех, кто был связан с командиром наиболее тесно, составлял, так сказать, его личную гвардию.

Приближенных оказалось не слишком много: уже установленный Джокер; подрывных дел мастер по кличке Турист; снайпер Зум и универсальный технарь с предсказуемым позывным Механик. При решении определенных задач к этой группе прицеплялись еще несколько наемников, но на постоянной основе они с Лектором не работали.

Старченко вернулся к общему списку компании, задумчиво пролистал его до конца и задал новые условия поиска. Минутой позже на экране появилась мозаика из кратких характеристик на нескольких бойцов из другой группы. Специализация у них была совсем другая, но «по очкам» они вполне конкурировали с наемниками из группы Лектора.

«Явно были соперниками по медальному зачету, точняк. – Полковник усмехнулся. – А соперники зачастую знают о своих конкурентах больше, чем соратники. Надо их тоже прощупать. Правда, если верить базе данных, из обеих групп живы до сих пор только двое».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.